

Островок счастья

И ВСЕ-ТАКИ ЭТО СУДЬБА

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — СЕМЬЯ

ЛАРИСА РАЙТ

Лариса Райт

И все-таки это судьба (сборник)

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Райт Л.

И все-таки это судьба (сборник) / Л. Райт — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-82137-2

Что будет, если в перекрестье личных интересов трех женщин попадет один мужчина? Бедняжке наверняка не поздоровится, и лучшее для него – побыстрее уносить ноги. А судьба уж сама расставит все по своим местам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82137-2

© Райт Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Повесть	6
И все-таки это судьба	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Райт
И все-таки это судьба (сборник)

© Ройтбурд Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Повесть

И все-таки это судьба

Мила

Мила собиралась выключить компьютер. Время позднее. Давно пора отправляться домой. Хотя делать там нечего. Нет никого, даже рыбок. Как-то завела, попробовала. Алка, подруга, зудела: «Подумаешь, командировки. Сейчас есть такие капсулки с кормом – на целый месяц можно рыбешек оставлять». Уговорила. Тем более что месяцами Мила не отсутствовала. Уезжала часто, но максимум на неделю. От голода рыбки не сдохли, померли то ли от эпидемии, то ли от грязной воды. Менять ее Мила постоянно забывала, а спохватилась тогда, когда три рыбешки уже плавали кверху брюхом, и остальным тоже помочь уже было ничем нельзя. Поставив на себе клеймо «Безответственная», она с живностью в доме покончила. Так что из ожидающих только кактус на окне. Польешь раз в месяц, и спасибо. В общем, спешить некуда. Сиди себе, Мила Анатольевна, сорокалетняя одинокая мышь, копайся в своих бумажках. Листай документы, сверяй данные. А вдруг подчиненные где-то напортачили, что-то просмотрели? Тогда Милин отдел вылетит из передовых, и прощай премия, а с ней и новая машина, и поездка в Перу. Нет, прощаться с мечтой не хотелось. «Вот только почту еще раз проверю и пойду», – подумала Мила, открыв «аутлук». Написать могли и из Америки, и из Австралии. Там работа только начинается.

Сообщений было штук двадцать. Сплошной спам – ничего интересного. Мила автоматически отправляла хлам в «корзину». Механически кликнув на очередное послание и заметив, что оно исчезло с экрана, почувствовала, как мгновенно вспотели ладони. Ну вот, приехали. Свершилось. Она полезла в «корзину» и раскрыла оповещение с сайта знакомств. Так и есть. Экран монитора загадочно объявлял: «Вам сообщение». Мила зажмурилась и осторожно открыла правый глаз. Слова все еще были на экране. И открытый левый тоже не заставил их исчезнуть. Мила прислушалась к себе. Что она чувствует? Волнение? Предвкушение? Ожидание? Может быть, радость? Нет, нет и еще раз нет. Все это было три месяца назад, когда она, поддавшись на уговоры той же Алки, разместила-таки анкету на злосчастном сайте. Злосчастном потому, что столь безрассудный поступок выбил ее из колеи на целых две недели. Непозволительная роскошь для начальника отдела крупной компании – столько дней думать не о работе, а о перипетиях своей личной жизни. А она лишь этим и занималась. Каждые десять минут проверяла свой аккаунт и постоянно нервничала. Почему ей не пишут? И что делать, когда напишут? А если не напишут? И как все-таки лучше?

Написали. И она сразу поняла, что делать. Ну, если не сразу, то после третьего прочтения. Первое письмо сначала ей понравилось. Да и фото было вполне себе. Мужчина лет пятидесяти в очках и белом халате. Мила обрадовалась: врач или ученый. И речь у него была спокойная, мягкая, но ровная и уверенная в себе.

Здравствуйте, Мила.

Мне кажется, мы удивительно подходим друг другу. Мы обязательно должны встретиться и пообщаться. Я уверен, что судьба дает нам шанс...

Ну, какой женщине такие слова не понравятся?

...Я счастлив, что мне удалось разглядеть в вашем письме главные строки. Вы так удивительно пишете о своей любви к животным...

Ах да, это снова по наущению Алки. Подруга утверждала, что так она привлечет к себе собачников, кошатников, лошадиников и всех остальных, кто не равнодушен к братьям нашим меньшим.

– Ну и что? – попробовала сопротивляться Мила. – Зачем они мне сдались?

– Они что, не мужики разве?

– Ну и другие есть.

– Где? – Алка развела руками и огляделась. – Что-то ни одного не видно. Вот прочитает твою анкету какой-нибудь любитель черепашек и подумает: «Хорошая женщина. Только вдруг она моих красноухих терпеть не может». И что?

– Что?

– И не напишет. Понятно?

– Понятно.

Слова о любви к животным были добавлены. И, надо же, сыграли свою роль. Ну-ну, что там дальше? Почитаем.

...Мне тоже очень нравятся звери. Особенно пушистые. У них такая бархатистая шерсть, которую приятно расчесывать и гладить...

Наверное, этот врач очень одинок, если он так мечтательно рассказывает о том, как гладит своих питомцев.

...К сожалению, я не совсем понял из вашей анкеты, чем вы занимаетесь. Но надеюсь, вы расскажете мне при встрече. Назначайте, милая Мила, время и место.

С искренним уважением к вам,

Василий...

Письмо было хорошим от первого слова до предпоследнего. А последнее Мила едва не пропустила. Но все-таки разглядела и, прочитав в самом конце «таксидермист», расхохоталась до неприличия. Слава богу, в ее компании еще не было стеклянных кабинетов, и она могла себе позволить этот смех без перешептываний за спиной. Но смеялась, видно, все-таки слишком громко. Уже через секунду в дверях торчала голова помощницы Эллы.

– Все в порядке? – Голос елейный, в глазах – безумное любопытство.

– Да. – Мила махнула рукой и, как только Элла скрылась, удалила письмо «любителя животных». Надо было, наверное, показать Алке для наглядности и пущей убедительности, но не хотелось оставлять эту грязь в своей почте. Для надежности Мила исправила и свою анкету. Уж как-нибудь обойдется она без собачников и кошатников. Лучше сказать, что любит ходить в театр. Будут ей писать интеллигентные люди. Чем плохо? И плевать, что она в театре уже три года как не была. Поход на елку с сыном подружки не в счет. Но ведь она же любит театр. Значит, не врет.

Театрал нашелся через пару дней. Писал о великолепной игре Табакова в МХТ, новой постановке «Современника», втором дыхании «Таганки». Он сообщал о своих любимых режиссерах и утверждал, что «Гамлет» в постановке Стуртуа ничем не уступает решению Серебренникова.

...А если бы вы только видели новую постановку Чусовой. Она буквально завораживает искренностью эмоций и великолепной актерской игрой. Надеюсь...

Мила даже споткнулась на буквах в предвкушении приглашения в театр. Натура, конечно, слишком романтичная. Не чета ей – твердой, решительной, лишенной сантиментов. Ранимая душа. Ну, ничего. В конце концов, она не опору ищет. На нее давно уже можно опереться самому. Ей нужен друг, родной человек. Тот, с кем можно поговорить, пообщаться, в театр вот сходить. Итак, что там дальше? Надеюсь, надеюсь...

Надеюсь, вы окажете мне услугу и приобретете пару билетов на этот спектакль. Честное слово, не пожалеете! Напишите, где и когда сможем произвести обмен. «Утром деньги – вечером стулья». И смайлик в придачу. Только смеяться теперь не хотелось. Совсем.

– Да ладно, сходи, купи у него билеты, – посоветовала Алка. – А если вы друг другу понравитесь?

– Уже понравились. – Мила разозлилась на подругу. – Ну что ты несешь?! Он спекулянт!

– А может, и нет? Вдруг он просто не может пойти, а тебе по номиналу продаст или еще дешевле.

– Тогда, значит, у него есть с кем ходить по театрам. И вообще, не говори ерунды!

Алка обиделась и самоустранилась. А Мила получила третье послание. Письмо как письмо. Зовут Роберт. Сорок пять лет. Дважды был женат, детей тоже двое. Работает менеджером. А кто сейчас не менеджер? Квартира съемная, машина кредитная. Среднестатистический такой мужчина. Фото тоже непримечательное: костюм серый, галстук в полоску, глаза уставшие, волосы поредевшие. Все как должно быть в его возрасте и ситуации. В общем, давайте встретимся, и никакого подвоха. Чучел зверей не делаю, билетами не приторговываю. Решила рискнуть.

Встречу назначили в кафе в парке Горького – место людное, не пафосное и бюджетное. Судя по всему, кавалер свободными финансами не обладал. Первое впечатление он произвести постарался: пришел заранее, принес три хризантемы, нарядился все в тот же костюм и галстук. В общем, с понятиями человек, культурный. Потом все больше о Миле расспрашивал. Правильно, женщине надо демонстрировать, что она интересна. А если только о себе, любимом, трепаться, так и не выйдет ничего. Миле, правда, долго о себе рассказывать нечего. Выросла, выучилась, работает – вот и весь сказ. Или что там еще? Не была, не участвовала, не привлекалась. Хотя вот о первом она может. Поездила достаточно и по Европе, и по Азии, даже до Австралии успела долететь. Она начала о путешествиях, но заметила, что Роберт как-то сник. Поняла – не его тема. Видно, нет у человека средств. Она не предполагала, что может не быть интереса. Кто не захочет увидеть туманы Лондона, минареты Стамбула, небоскребы Шанхая или сёрфингистов на пляжах Сиднея? Возможно, какой-нибудь отсталый недотепа. А Роберт производил впечатление человека интеллигентного, образованного, удрученного тем, что ему все это не по зубам. Мила поспешила исправить свою оплошность:

– Работа у меня такая. Закупками занимаюсь, вынуждена видеть товар лицом. Вот и летаю в страны-производители. По необходимости, понимаете?

– Понимаю, – кивнул он с видом человека, отлично знающего, что совмещать приятное с полезным – редкое везение в наши дни.

– А вы как предпочитаете занимать досуг? – Мила мысленно обругала себя за витиеватую фразу. Досуг какой-то вместо свободного времени. Но Роберт этого не заметил. Ответил спокойно:

– Футболом не увлекаюсь, как, впрочем, и хоккеем. Так что никаких спортбаров и полуночных бдений у телеэкрана. Я природу люблю. Рюкзак за плечи и вперед. Так, чтобы идти, тащить груз, уставать. Нравится мне преодоление. Когда уже на последнем издыхании и кажется, что не справишься. А потом секунда, и ты стоишь на вершине, перед тобой простор, красота и свобода. – Он смотрел на Милу с ожиданием одобрения. Она удивилась тому, как в секунду изменились его глаза. До этого какие-то потухшие и вялые, они мгновенно преобразились, засияли восторженным светом. И сам Роберт будто возмужал, окреп, как-то вырос и раздался в плечах. Миле стало совестно, что она не может разделить его чувств. Мысль о походе, да еще с грузом за плечами, если честно, никогда не вызывала у нее воодушевления. Тем более теперь, когда, случалось, она доползала до дома чуть живая от усталости и сил хватало только на то, чтобы налить себе чашку чая. И не заваривать, конечно. Какое там! Так, по-быстрому, пакетик кинуть, выпить маленькими глотками и спать, спать, спать. Какой поход? Какой рюкзак? В отпуск только на море – растянуться звездочкой и неделю не шевелиться. Нет, случалось, ездили с Алкой в Европу. В Париж или Рим. Но там как-то тоже неспешно, в удовольствие. Не как большинство туристов с высунутым языком по всем музеям,

а в основном по кафешкам. Выпить кофейку – и смотреть, смотреть, смотреть. На Эйфелеву башню, на собор Святого Петра, на Вестминстерское аббатство. И чувствовать величие человека, а не природы. В Миле прекрасно существовал законченный урбанист. Природу она могла оценить только на полотнах Айвазовского и Левитана.

Один раз (лет двадцать назад) отправилась со студенческой компанией в двухдневный поход. Кажется, праздновался чей-то день рождения, отказываться было неудобно. В общем, пришлось собрать волю в кулак, одолжить у знакомых спальник, купить пару банок тушенки и отправиться на берег какой-то реки. До вечера все было в относительном порядке. Да нет, даже хорошо было. Ребята расставили палатки, наловили рыбы. Девчонки сварили уху. Тушенка не пригодилась. Затем сидели у костра и горланили песни под гитару. Миле тогда даже показалось, что один из ребят посматривает на нее с интересом. А потом разразился ливень, и вся прелесть похода улетучилась в одно мгновение. Вмиг промокшие студенты набились в палатки. Туда же набились комары, от укусов которых не спасали даже спальники. К утру у Милы распухло лицо, окоченели ноги, а настроения не осталось совсем. Другие радовались выглянувшему солнцу, бегали босиком по мокрой траве, самые отчаянные даже купались в еще холодной весенней реке. Мила же сиднем сидела на пеньке и думала, почему она не взяла с собой что-нибудь от аллергии и когда же все это закончится: и веселье, и дурацкие песни, и главное – сам поход. Когда к середине дня стало понятно, что компания намерена задержаться в лесу у реки еще на сутки и продолжать мужественное сражение с комарами, Мила молча надела так и не высохшие кроссовки и в одиночку побрела назад к цивилизации.

Вторым серьезным столкновением с природой стала для нее поездка в Альпы. Она тогда еще не умела толком кататься на горных лыжах. Так, пара уроков с инструктором на московских спусках перед поездкой. В горы отправились впятером: две супружеские пары и Мила – не пришей кобыле хвост. Мало того, что одна, так еще и неумеха. Денек с ней помыкались, покатались «по холмикам», да и послали в школу. Дня через три Мила почувствовала в себе уверенность и присоединилась к компании. Было здорово. Лететь по склону вперед, чувствуя и бесстрашие, и легкость, и волнение одновременно. А потом сесть в кафе, подставив лицо яркому полуденному солнцу, и любоваться ярким синим небом, белоснежными вершинами и зелеными соснами.

После обеда, едва они отъехали от кафе, на Милу налетел такой же «любитель гор», как она, пятнадцатилетний мальчишка, едва научившийся хоть как-то владеть своим телом. Тут не совладал – сам упал и Милу свалил. Подросток отделался легким испугом, Мила получила разрыв мениска и очередное доказательство того, что человек в ее случае только жертва господствующей природы. Какая красота? Какое величие гор, если впереди две операции, три месяца восстановления и резкая тошнота лишь от словосочетания горные лыжи.

В общем, отношения с природой у Милы не складывались. Разве что море она любила. Да и то странною любовью. Далеко не плавала, за приливами и отливами не наблюдала. Лежала себе на берегу, загорала, читала книжки. Вот и вся любовь. А чтобы на яхте вокруг острова – это нет, укачивает. Съездить поплавать в бухте или попрыгать с камней – тоже нет. А какое там дно? Не опасно ли? Хватит с нее одного мениска, напрыгалась уже. А тот идиотский случай в Португалии! Мила была просто свидетелем, но запомнила на всю жизнь. Этот детский крик, распахнутые от ужаса глаза, сумасшедший бег к берегу. «Акула! Акула!» – кричала двенадцатилетняя девочка и пыталась выскользнуть из цепких объятий океана. Пляж вскочил на ноги, люди заметались, но тут же остановились. Многие снисходительно улыбались, некоторые откровенно корчились от смеха, хотя девочка продолжала бежать и вопить. Мила тоже увидела, в чем дело. Прямо за испуганной жертвой из воды выходили два аквалангиста в черных гидрокостюмах. Их девочка и приняла за грозного хищника. Она сама уже увидела свою оплошность и смеялась вместе со всеми. А Мила даже улыбнуться не могла себя заставить. В голове пульсировала одна мысль: «Это могла быть акула. Они живут в океане».

Мила могла бы сойти за трусиху. Но сама она себя такой не считала. Казалась себе скорее рассудительной, избегающей риска личностью. А зачем рисковать? Совершенно ни к чему. Наверное, у нее в организме была хорошо налажена выработка адреналина. Подпитка извне не требовалась. Скорость за рулем – шестьдесят, дорогу переходим на зеленый свет, никаких полбокала перед поездкой. Руки моем с мылом, чай пьем без сахара – здоровая необходимость. Да, и никаких походов. Там комары, медведи, маньяки, оголтелые подростки и еще та самая природа, которая однажды может оказаться сильнее.

В общем, разделить восторгов Роберта Мила никак не могла. Но она была вежливым человеком. Поэтому с улыбкой заметила:

– Вы, наверное, часто так путешествуете.

– Стараюсь каждое лето, – с гордостью ответил он. – Теперь вот и детей приобщаю. – *Был женат дважды. Имею сына и дочь.* – Ну, сын у меня уже тертый калач. С ним мы и на Алтае сплавливались, и Карелию вдоль и поперек исколесили, а вот с дочей летом только в первый раз ходил. Намучился...

– Что так? – Миле разговоры о походных мучениях были совсем не интересны. Она уже поняла – вариант не ее. Но воспитанность не давала оборвать беседу.

– Так девочка ведь. Волосы у нее длинные. А я по косичкам не специалист. У вас вот тоже стрижка. Я уж и не знаю, справитесь ли вы с лентами и резинками.

Мила как-то позабыла о вежливости, бросила грубовато:

– Невелика наука!

Роберт предпочел не заметить ее ехидства, обрадовался:

– Вот и договорились. Значит, в следующий раз идем вместе.

– Непременно. – Мила выдумала срочные дела, оставила фальшивый номер телефона и отправила Роберта в черный список своих корреспондентов на сайте знакомств.

– Ну и дура! – злилась Алка. – Могла бы жизнь устроить.

– Где? – хохотала Мила. – В Карелии?

– Да уж лучше в Карелии с мужиком, чем в Москве одной.

– Нет уж, дорогая, я как-нибудь обойдусь.

На этом знакомства по Интернету закончились. Как-то сами собой. Мила перестала ждать, да и писать ей перестали. Была еще парочка сообщений. Одно от юного альфонса, прямым текстом пишущего о желании удовлетворять физические потребности немолодой женщины в обмен на удовлетворение его материальных. Тут веселилась Алка:

– А что, Милка, ты у нас женщина одинокая. Могла бы и попробовать гусарского тела.

– Нет, Ал, он немолодую женщину просит, а я еще хоть куда. – И обе ржали как лошади, словно были все еще девчонками, сидящими за одной партой и обсуждающими мальчишек-одноклассников.

Второе письмо оказалось, наоборот, от дядечки за шестьдесят, который почти требовал, чтобы Мила заняла место его умершей супруги, потому что ему *«очень непривычно самому себя обслуживать»*.

– Привыкнешь, – пообещала Мила и вернулась к обычной жизни, без знакомств по Интернету, почувствовав такую свободу! Ни волнительных ожиданий, ни тщетных надежд, ни горьких разочарований. К черту этих мужиков. Ну какой от них толк? Зарабатывать Мила сама умеет. Полку прикрутить или унитаз починить – на это специалисты найдутся. Поговорить по душам? А Алка на что? Они почти всю жизнь вместе. Ближе ее уже и не найдется души. Да и мама еще. Какой мужчина ее заменит?

– Сексуальный, – отвечала Алка на этот вопрос подруги и потешно дергала бровями. Хотела выглядеть кокетливо, а получалось смешно. Мила и смеялась.

– Да на кой мне это?

– А ты что, старуха? Сама же говоришь: молодая. Ну и как же без секса?

– Ну, – смущалась Мила, – как-то так... – Потом смелела и шла в атаку: – У тебя у самой каждый день, что ли?

– Нет, конечно, – теперь смущалась Алка. – Но ты же знаешь, что случается.

– Случается, – передразнила Мила. – Можно и без случайностей обойтись. – Намек на Алкину супружескую неверность.

– Да что ты на меня-то равняешься. Мы с Лешкой уже двадцать лет вместе, поднадоели друг другу. Это, между прочим, нормально, иногда по сторонам посмотреть.

– Ну вот и зачем мне это нужно? Сейчас безумие страстей, а потом поднадоесть друг другу.

– Так потом ты уже на пенсии будешь. Тут о здоровье надо думать, а не о любви.

– Ал, о любви положено думать в любом возрасте.

– Это все романтика. К реальной жизни не имеет никакого отношения.

– Да пошла эта реальная жизнь!

Алка обиделась почти на неделю. Не звонила пять дней. Потом все-таки прорезалась. Завопила в трубку:

– Я не поняла, кто из нас практик и реалист, я или ты?

– Я, конечно, я, – тут же легко согласилась Мила.

Это было сущей правдой. Она всегда была более рассудительной, осторожной и принципиальной, чем подруга. Спокойная, уравновешенная Милочка умела предвидеть ситуацию и не поддаваться порывам и чувствам в отличие от резкой, импульсивной и очень эмоциональной Алочки. Подруга предлагала прогулять школу.

– Потом догонять, объясняться, переживать, – лениво тянула Мила.

– Я ушла из дома, – как-то объявила пятнадцатилетняя Алла. – Мама сказала, что Вовка мне не пара.

– Ясно. Пойдем ко мне поужинаем, а потом домой почапаешь.

– И не подумаю!

– А ты не думай, иди просто.

– Это почему еще?

– Потому, что мама права.

– Да ты что, Милка, не на моей стороне разве?!

– На твоей, конечно! Я всегда на твоей. Вот уйдешь ты из дома. Куда пойдешь? К Вовке своему на голову свалишься? Давай, дорогой, жениться. Школу бросаем – дуем работать. Если даже твой обожаемый Вовка обрадуется такой перспективе, в чем я очень сомневаюсь, то ненадолго. Потом до него дойдет, что, если бы не твой финт ушами, он мог бы жить припеваючи еще лет семь до окончания института. Да и тебе зачем вся эта канитель?

– Какая? – Алка растеряла свою решительность.

– Ну, шмотки ему стирать, еду готовить. Это пока все прекрасно. Встретились, пообщались, помечтали о вечном и разошлись каждый к своей мамочке под крылышко, а семейная жизнь, знаешь ли, не такая простая.

– Так чего, возвращаться, что ли? – Алла чуть не плакала.

– Конечно!

– А как же Вовка?

– Да встречайся ты со своим Вовкой. Он что, обязан тете Нине нравиться?

– Но она же может запретить с ним общаться!

– Запретила?

– Пока нет, но...

– Алка! Ну что ты все время мчишь вперед паровоза?!

Так было всегда. Алла тянет. Мила тормозит. Иногда Алла слушается, но чаще злится. Пословица «Тише едешь – дальше будешь» не для нее. Она говорит: «Под лежащий камень

вода не течет» – и мчит вперед на всех парусах. Алла все делала быстро. Быстро выскочила замуж, быстро родила двух детей, быстро завела любовника, потом второго, потом третьего, потом никакого (надоело). Успела окончить два института и многочисленные курсы, поработала по всем приобретенным профессиям, посидела в домохозяйках, побывала владелицей бизнеса, а теперь уверяла Милу, что нашла дело своей жизни:

– Буду свахой.

– Кем?

– Свахой. Ну, помнишь Гундареву в «Одиноким предоставляется...».

– А кого сватать-то будешь?

– Вот с тебя и начну.

– Ага. А мне больше не надо. С меня Интернета хватило.

– Мил, да у тебя не получилось ничего, потому что ты там правду-матку понаписала.

– А что, надо было врать? Работаю в цирке, дрессирую львов. И как я потом буду зверей предьявлять?

– Надо приукрашивать. Вот ты пишешь: *ответственная*. Ты что, на работу устраиваешься? Или, например: *дети – продукт, требующий больших усилий...*

– А ты не согласна, что для их воспитания нужно много сил?

– Я не согласна с тем, что дети – продукт.

– Очень странно. По-моему, ты по первому образованию биолог. Две клетки соединили, получили продукт.

– Мила, твоя ученость и образованность никому там, – Алла кивнула на компьютер, – не нужна! Проще надо выражаться, проще. *Дети – цветы жизни. Хочу.*

– Ну, в этом желании я не уверена.

– И слава богу, что хотя бы об этом хватило ума умолчать. Если туда, – очередной кивок в сторону монитора, – и забредает нормальный мужик, то с мечтами о семейном счастье. Чтобы любовь, чтобы детишки сопливые, понимаешь?

– Не понимаю! Отстань! – И Мила выкинула из головы всю эту переписку, знакомства и дурацкое ожидание. Компьютера в ее жизни и без того больше чем достаточно. Куда лучше приходить домой и тратить время на интересную книгу или хороший фильм, а не на блуждание по дебрям Сети в поисках неизвестно чего. Вернее, кого.

Алка, конечно, стала бы возражать. Предложила бы кучу способов определения того типажа, который необходим именно Миле. Только в Алкины определения Мила не верит. Ей бы в самой себе разобраться. У нее на каждый плюс в мужчине найдутся двадцать пять минусов. Ну, про Роберта и говорить нечего. Походы – это даже не двадцать пять минусов, а сразу все пятьдесят. Но даже если без крайностей. Вот, например, Антон Бирданов – начальник параллельного отдела. Допустим, он свободен и проявляет к Миле внимание. Мужчина интересный, старше на пару лет. Умен, образован, успешен, культурен. Зарабатывает прекрасно и тратить умеет. Великолепный собеседник. За кофе с сигареткой рассказывает кучу увлекательных вещей. Чем не подходящая партия? Казалось бы, замечательная во всех отношениях. Так ведь нет. У Милы и тут контраргументы. И что им делать вдвоем, таким занятым и успешным? Они только перекурить могут вместе, урвав у работы минут пятнадцать. У нее закупки – у него продажи. Когда она может позволить себе уйти в отпуск, у него самая горячая пора. Для того чтобы стать женой такого распрекрасного мужчины, надо осесть дома и производить продукты под названием дети? Кажется, у Антона их трое. Жена, конечно, домохозяйка. Он, правда, вроде бы даже гордится своей супругой и жалеет ее.

– Наталка моя уматывается побольше нашего. Одного в один кружок, другого в другой, третьего к врачу. И так каждый день. А еще ведь весь дом на ней и готовка. Я же никакой приползаю, толку что с козла молока.

Вот и сам признался, что толку от него никакого. Как сейчас тащит Мила свою квартиру на себе, так и волокла бы их совместное хозяйство. Только в нагрузку с детишками и с самим Антоном, у которого, между прочим, гастрит. Пельменей с сосисками не наваришь. Наталка ему в пароварочке рецепты изобретает. И детей у Милы нет, никто в грязной обуви по квартире не бегает, посуду не бьет, пол не царапает. Трудно вообразить, как, даже сидя дома, успевать со всем этим справляться. А представим, она остается работать. И что хорошего? Финансы позволяют нанять и повара, и уборщицу, и няню. И квартира будет ухожена, и муж накормлен, и дитё под присмотром. Только где гарантия, что лет в восемнадцать это дитё, встретившись случайно с матерью, например, на кухне, не спросит: «А вы, собственно, кто?» Нет, такого Миле не надо.

Или другой пример. Вот в соседнем подъезде, когда она еще была маленькой, жил такой добряк дядя Гена. Он выходил гулять с эрделем Дусей, и вокруг хозяина и собаки тут же образовывалась толпа ребятни. Дуся скакала, носила палочку, каждого норовила лизнуть в лицо. Дядя Гена травил анекдоты, показывал фокусы и дарил конфеты, что не иссякали в его карманах. Мила наравне со всеми заслушивалась его историями и иногда, встретив тетю Тому – жену дяди Гены, – думала о том, что, когда вырастет, непременно заведет себе такого мужа. И собаку тоже.

От собаки она и теперь не отказалась бы, а вот муж такой в ее жизненную схему больше не вписывался. Тетя Тома работала, дядя Гена вел дом. Так, конечно, было не всегда. Раньше оба работали в цирке. Она бухгалтером, он клоуном. Но цирк не уехал, а просто закрылся. Клоуны, понятное дело, разбежались. Большинство по другим циркам, а дяде Гене не повезло. У него уже был возраст и несколько прогрессирующих заболеваний, не слишком совместимых с клоунской профессией. Клоун ведь не просто весельчак, забавляющий публику. Это и немножко жонглер, и чуть-чуть акробат, и слегка фокусник, и еще дрессировщик. А у дяди Гены выросла грыжа в позвоночнике и развился артрит пальцевых суставов. Какое уж тут сальто-мортале! На манеже не покувыркаешься, булавы не половишь. Потыкался дядя Гена в пару цирков, провалил несколько показов, да и осел дома. Дусю вот завел – артрит дрессуре не мешает. В общем, внешне все прилично, а внутри наверняка чернота сплошная. Маленькой Миле дядя Гена казался бесхитростным весельчаком, а взрослая понимает: все эти дворцовые представления – безутешная тоска по сцене. Вот приходит тетя Тома с работы, о чем они говорят? Она ему про свои балансы рассказывает. А он может только посетовать на то, что жизнь сломана, разбита, кончена. Вероятно, Мила утрирует, но даже если так, она не желает слушать чужое нытье о несложившейся судьбе. Ей нужен мужчина уверенный, всем довольный, легкий. Чтобы и поговорить можно было, и помолчать. Последнее, кстати, особенно. Бывает, так наговоришься за день, что дома челюсти даже размыкать не хочется. И это надо понимать.

Алка бы нашла такого понятливого. Ее институтская подруга Мадина замужем как раз за таким. Когда женились, скандал был... всем скандалам скандал. А как иначе? Он русский, она татарка. Она приучена вставать, когда мужчина входит в помещение, он – открывать перед женщиной дверь. У нее мать всю жизнь в длинных юбках проходила, а его в модных варенках и по сей день скачет. У нее дома вето на свинину, у него через день на ужин жареная свиная шейка. Но это всё мелочи жизни. Главное, она – мусульманка, он – православный. Скандал! Тогда, правда, все больше атеистами слыли, но это на людях, а в кругу семьи все-таки почитали традиции предков. И куличик на Пасху, и барашек на Курбан-байрам. Ну и вера, конечно. Это основное. Но вера верой, а сестра ее любовь победила. Вышла Мадина замуж за Сергея и ни разу не пожалела. Родители с обеих сторон со временем смирились. А что делать, когда внуки растут? С дедушкой Махмудом в деревне под Казанью на охоту ходят. С дедом Иваном в машинных моторах ковыряются. Отношения к вере все это не имеет никакого, а вот к любви самое что ни на есть прямое. В общем, семья получилась очень приличная. Мила их встречала в доме у Аллочки. И неизменно Сергей был на удивление обходителен со своей

женой. И котик она, и зайчик, и *«положить ли рыбки моей рыбке?»*, и *«как скажешь, дорогая»*, и *«посмотрите, как чудесно выглядит моя девочка»*. Мадина обводила всех царственным взглядом и лениво бросала:

– Заглохни, Серый.

И он улыбался совсем не расстроенной и не оскорбленной, а все понимающей улыбкой:

– Уже надоел тебе, да?

– Ага. И всем остальным тоже.

– Ну, тогда помолчу.

– Сделай милость.

Сергей замолчал, а Мадина веселилась вовсю. Хохотала с подружками, кокетничала с друзьями, но приходила пора отправляться домой, и она командовала:

– Серый!

Он в секунду оказывался рядом, подавая пальто и не забывая поцеловать руку, скулу или краешек плеча. Мадина, снова смеясь, ласково смотрела на мужа:

– Пошли уже.

– Пойдем, пойдем. – Он хватал ее за руку и тащил в мир, куда никому, кроме них двоих, входа не было. И все оставшиеся, не исключая Милы, чувствовали в этот момент острую зависть. Несдержанная Алка всегда говорила:

– Счастливые!

Мила внутренне соглашалась, но лишь на долю секунды. Потом представляла себя на месте Мадины и мгновенно ощущала приступ непонятной тошноты. В Сергее не было ничего противного. Внешность заурядная, но не отталкивающая. Хороший рост, подтянутая фигура. Немного лысоват, но это скорее плюс – хорошо вырабатывается тестостерон. Да и вообще, что плохого в том, что с тебя после многих лет брака все еще сдувают пылинки, оберегают и буквально смотрят тебе в рот? Вот это последнее Милу и смущало. Сергей не был недотепой. Он умел поддержать разговор, рассказать анекдот, выразить свое мнение. Но стоило порог комнаты переступить его жене, как от красноречия мужа не оставалось и следа. Он словно уступал ей пальму первенства. Как бы молча сообщая, что в ее присутствии все его слова и суждения будут мелкими и ничтожными.

Нет, о таком спутнике жизни Мила мечтать не могла. Это она хотела смотреть в рот и заглядывать в глаза. Пусть бы он обожал ее, подавая пальто и целуя руки, но не подобострастно кивая в ответ на ее указания. Она могла бы отставать на полшага, чтобы окружающие сумели лучше разглядеть и правильно оценить ее мужчину. А слепое Сережино поклонение не для Милы. Хотя все правильно. Оно для Мадины.

Тут очень кстати будет вспомнить еще одну знакомую пару. Как раз их случай вписывался в Милины размышления о собственном желательном кавалере. Муж – начальник, жена – заместитель. Вроде при деле, даже правая рука, а все же на вторых ролях. Нагрузку он жене распределяет. Знает, когда можно рассчитывать на ее помощь, а когда следует освободить для домашних дел, или для похода в салон, или еще для какой-нибудь мишуры, незаметной для обычного мужского глаза и мышления. Конечно, и этот товарищ ничего не планирует заранее. Сам заместитель ему сообщает о необходимом маникюре, родительском собрании или непожаренных котлетах. Мила долго считала этот союз идеальным и примеряла на себя, пока однажды не услышала, как заместитель просит начальника:

– Костик, мне бы постричься...

– А в выходные нельзя? – сказано довольно грубым, недовольным тоном.

– Ты же знаешь, в субботу нас Алехины пригласили, а до этого у Светочки танцы. А воскресенье... Ну, это неважно. Мне бы хотелось до субботы успеть, чтобы в гости во всеоружии. Ну, ты понимаешь...

Его нахмуренное лицо разгладилось. «Сейчас он скажет, что отведет дочку на танцы, а жена пойдет себе в парикмахерскую», – подумала Мила. Не тут-то было.

– А твоя мама Светку не отведет?

– Кость, она же в больнице. Давление. Ты разве забыл?! – Голос заместителя слегка дрогнул.

Начальник смутился.

– Да-да. Я что-то... Извини, в общем. Иди давай, в эту свою парикмахерскую. Только возвращайся быстрее.

«Я бы обиделась», – мгновенно решила Мила и, обведя взглядом присутствующих, поняла, что так поступило бы большинство дам на ее месте. Но жена Костика и не думала дуться. Скорее всего, ситуация для нее была привычной. Она радостно поблагодарила и помчалась приводить себя в порядок. Мила раз и навсегда вычеркнула типаж Константина из возможных кандидатов себе в мужа.

– Это все потому, что нормальных мужиков не осталось, – говорила она маме, когда та в очередной раз заводила песню о дочкином одиночестве. Милу такие разговоры давно не раздражали. Понятны ведь мамины страхи. Дочь одинока – значит, не устроена. И неважно, что карьера удачна. Не в деньгах счастье. Нужен мужчина. И постоянный. И желательно, чтобы законный. Да и с внуками надо спешить. Хочется же понянчить. А возраст-то к семидесяти приближается. Но, с другой стороны, должна ведь она понимать, что абы за кого Мила выскочить не может. Мила тоже не девочка. Она разбирается, размышляет, прикидывает. Но мама с ней не согласна. Дело вовсе не в отсутствии мужчин.

– Нет, – сообщает она дочери, – это все потому, что ты не желаешь ни под кого подстраиваться.

– А почему я должна это делать?! Мама, мне почти сорок лет. Пусть под меня подстраиваются.

– Дочь, я надеюсь, что, если все образуется, твоему мужу все-таки будет не двадцать?

– Мам! О чем ты говоришь?! Конечно нет!

– Значит, приблизительно твоего возраста?

– Ну, наверное...

– Тогда ему определенно тоже будет непросто подстраиваться. Мила, брак – это сплошной компромисс.

– Почти как бизнес.

– Вот именно!

– Мам, а ты не думаешь, что бизнеса мне хватает выше крыши. Вот где надо изворачиваться, подгонять контракты, обсуждать условия. Я не хочу так в личной жизни. Мне нравится играть по своим правилам, а не подстраиваться под чужие.

– Ты просто никогда никого не любила.

– Мам!

– Хорошо, Геннадий не в счет. Но уже столько воды утекло!

Гена. Геночка. Генка Жигалкин. Первая и последняя Милкина любовь. Красивый умный парень с так необыкновенно ему подходящей яркой фамилией. Генка всегда спешил. Быстро говорил, быстро ходил, почти бежал, быстро принимал решения. Генка спешил жить. Они познакомились в институте. Милка не могла взять в толк, как такую энергичную, неугомонную личность занесло на экономический. Экономика – это усидчивость, рассудительность, спокойствие. А Генка был бурей, метеором, вихрем. Но учился хорошо. Ему все давалось легко от природы. О таких говорят «поцелованный Богом». Наверное, так и было. Генка рос в хорошей, обеспеченной семье. Оба родителя занимали какие-то высокие должности в разных министерствах. Единственного сына баловали заграничными шмотками и редкими нотациями. Но при этом Генка умудрился не испортиться. Воспитывала его в основном бабушка,

тоже не чаявшая души во внуке, однако сумевшая дать ему правильные жизненные ориентиры. Генка был добрым и отзывчивым, происхождением своим не кичился и к обладанию жизненными благами относился философски. Сегодня есть – завтра нет. И вообще, это все родительское. Я к нему отношения не имею. Гордиться мне пока нечем. Школу Генка окончил с золотой медалью. В институт поступил без всякой протекции, хотя ее легко могли бы оказать. На курсе сразу сделался старостой и мечтой практически всех девчонок. Высокий, голубоглазый, всегда улыбающийся Жигалкин играл на гитаре, давал списывать лекции, а на семинарах блистал эрудицией.

– Далеко пойдет, – говорили во всеуслышание преподаватели, и очередь Генкиных почитательниц увеличивалась с каждым днем.

Почему он выбрал Милу? Скорее всего потому, что она в очереди не стояла. Экономика на тот момент интересовала ее гораздо больше любви. К тому же в случае с Генкой она как-то инстинктивно понимала, что ловить нечего. Если в очереди томились первые красавицы курса, то что там делать Миле? Она была вполне симпатичной, милая Мила, но без изюминки. Во всяком случае, ей так казалось. Вот пройдет она по улице, на нее обратят внимание. А почему бы и нет? Молоденькая, хорошенькая. Юбка короткая, ножки стройные. И даже вслед обернутся. Но вот так, чтобы надолго запомнить и грезить по ночам, – это вряд ли. Ноги стройные, но не слишком длинные, округлости невыразительные, черты лица мелковаты, волосы хоть и подпрыгивают в модной стрижке, но, если присмотреться, то какие-то жиденькие и тускловатые. Краситься тогда не разрешали родители.

– Последнее аммиаком сожжешь, – сердилась мама, как только Мила заводила речь о только что пришедшем с Запада мелировании.

– Сейчас краски другие, – пыталась спорить она.

– Другие не другие, а один вред от них. Вот я никогда не красилась и ничуть не жалею.

Мила только вздыхала. Конечно, маме жалеть не о чем. Всю жизнь ходила с буйной каштановой гривой. То бабетту на макушке соорудит, то конский хвост, то лентой волосы перехватит. И несет свою гордость с величавым видом. Зачем такое красить? Даже теперь, когда матери далеко за сорок, ей вслед оборачиваются. Толстенная коса до пояса – и ни одного седого волоса. Можно вести разговоры о вреде аммиака, ни о чем не жалея. А вот Миле есть о чем жалеть. У нее волосы папины – тонкие и ломкие. Она школу окончила – постриглась первым делом. Мбчи не было с крысиными хвостиками по улице бегать. А иначе ее косицы и назвать нельзя, веревочки какие-то болтаются, открывая взору розовый младенческий затылок. Прическа в стиле Мирей Матье смотрелась куда лучше. Волосы держали форму, удачно прикрывали скулы, придавая узкому, вытянутому лицу девушки более пикантное выражение. И все-таки даже со стрижкой Мила не казалась себе привлекательной. Бросить взгляд можно, но так, чтобы влюбиться по-настоящему, это как-то сомнительно.

А вот Генка влюбился. И бросился в стремительную атаку. Ухаживал так, словно у него не было запаса времени. Каждый день какой-нибудь сюрприз. То разбудит, постучавшись в окно квартиры. Шестой этаж без балкона. Стоит себе в строительной люльке, хохочет над Милиным удивлением. Улыбка уверенная, глаза блестят, а в руках охапка ромашек.

– Милые, правда? – только и спрашивает. Бросает букет к Милиным ногам и машет куда-то вниз: – Опускай!

То билеты достанет на жутко интересный концерт. Сначала на Челентано Милу водил. Она сидела как замороженная и во все глаза смотрела на известного итальянца, которого и мечтать не могла увидеть вживую. Потом до хрипоты спорили, в каком фильме актеру роль удалась больше других. Мила, конечно, стояла на «Укрощении строптивого».

– Барбара и прекрасен, и ужасен одновременно. Ведь мужлан мужланом, а сколько харизмы. Такие типы симпатии не вызывают, но за него можно душу продать.

– Да это не за Барбару, а за Челентано.

Генке больше нравился «Блеф». Оно и понятно. Сюжет захватывающий – приключения. Да еще и Энтони Квин в придачу к итальянской харизме.

– Вот это кино! Всем фильмам фильм.

– Что, лучше Тарковского? – Мила понижала голос до шепота.

– Лучшее, – отвечал Генка.

Мила смотрела не понимая. Как так? Признанный гений не для всех хуже массового успеха?

– Конечно. Тарковский для избранных. Ну, посмотрим, ну, обсудим в узком кругу. Порадуемся полученным премиям, будем ждать с нетерпением новой картины. А тут другое, понимаешь? «Блеф» объединяет. Вот сравни:

«Вы смотрели «Зеркало»? Нет? Да как вы могли? Да вы ничего не смыслите в настоящем кино. Я был о вас лучшего мнения».

А в другом случае:

«Вы видели «Блеф»? Нет? Обязательно посмотрите, прекрасный фильм». Вот так, малыш, делай выводы.

Мила делала. Генка ее поражал. Он на многое умел смотреть с непривычной точки зрения. Он, иногда казавшийся поверхностным в силу своей стремительности, был на самом деле очень глубоким человеком, умеющим задумываться над тем, над чем никогда не задумывались другие. Однажды спросил:

– Каренин – отрицательный персонаж или положительный?

– Несчастный, – ответила Мила.

– Несчастный?! – Большие синие глаза Генки округлились от изумления.

– Конечно! – уверенно кивнула Мила. – Жена изменяет, позорит его имя. А личная драма? Он же любит ее!

– Мила, ты вообще что-то понимаешь в любви?

– Да. – Мила, конечно, краснеет. Вот же она перед ней, ее любовь. Мила без нее ни жить, ни дышать. И он еще спрашивает! – Конечно, понимаю!

– А если понимаешь, то считаешь, что можно поступать с любимым человеком так, как Каренин? Тогда я просто тебя боюсь.

– Боишься? – Милин голос дрожит. В глазах слезы. Сейчас он разочаруется и уйдет.

– Конечно. Стоит мне оступиться, и все. Ты вычеркиваешь меня из своей жизни, к детям не допускаешь. Куда это годится? Любимых надо прощать. Там из всех героев только и умеет любить один Левин. Вот это, я понимаю, у человека душа...

Мила дальше не слушает. Ее сердце поет и пляшет. Он собирается иметь с ней общих детей. И так серьезно сказал, хоть и мимоходом. Генка. Геночка. Жигалкин-Зажигалкин. С Генкой Мила преобразилась. Смотрела на себя в зеркало и думала только одно: «Хорошенькая!» Глаза постоянно блестят, губы призывно улыбаются, туфельки на каблуках, верхняя пуговка на блузке кокетливо расстегнута (нет, ничего такого, все прилично, но пикантно же, черт побери!). И мелирование, конечно, сделала. Чего уж бояться испортить волосы, если испортила свою главную ценность?

Мать, конечно, догадалась.

– Неприлично это, Мила, до свадьбы хоромы водить. А ребеночка заделаете, что люди скажут?

Мила краснела, но не могла сдержать улыбки. Ребенка. Ребеночка. Хорошенькую такую девочку с синими Генкиными глазами. Или мальчишку. Такого же бойкого, умного, задорного. Генкиного мальчишку. Ох, скорее бы!

Но со свадьбой решили не торопиться.

– Институт окончим, на работу поступим, тогда и семью строить будем. Я не просто с тобой на диване спать собираюсь, а нести за тебя ответственность, – объявил Миле Генка, и она не нашла возражений.

Это было так не похоже на него – не спешить. Как правило, события не происходили в их жизни, а мелькали непрерывной чередой впечатлений. Музеи, кино, Таганка, поездки в Питер на перекладных электричках и автостопом по Золотому кольцу. И всё бегом, бегом, быстрее. Утром в Петропавловку, потом на Черную речку, еще проехаться в карете по Невскому, смотреть в Петергоф, забежать в Эрмитаж, взглянуть на белого медведя в зоопарке, прокатиться по каналам и посмотреть на развод мостов.

– Вот поматросит и бросит, – вздыхала Милина мать.

– Я ему брошу! – хмурился отец.

А Мила не переживала. Знала – не бросит. И понимала, почему Генка медлил. Он был очень правильным. Не хотел садиться на шею родителям, а мог. И, наверное, сел бы, если бы они выразили восторг от его выбора. Но они, похоже, не выражали. Нет, точно Мила не знала. Ее всегда принимали приветливо, очень вежливо:

– Проходите, дорогая, располагайтесь. Чай? Кофе? Вам кенийский или бразильский? А какой обжарки? Сейчас сварю. Милочка, детка, положите салфетку на колени. Так можно запачкать ваше прелестное платьице. У вас ведь их не так много, верно?

– Мам! – Голос Генки звучал обиженно.

– Ухожу-ухожу, не мешаю. – Будущая свекровь одаривала Милу волшебной улыбкой и удалялась. А той еще долго бил в нос удушающий аромат сладких дорогих духов, и перед лицом проплывал резким взмахом широкий рукав халата из настоящего шелка.

Мила иногда думала о том, что не совсем подходящая пара для Генки. Хотя нет, она, наверное, подходила. Все-таки они учились в одном институте, и поступила туда Мила сама, без всякого блата. Значит, была не глупее. Мила отлично училась в школе. Память у нее была прекрасной. Все, что когда-то читала, помнила. Могла поддержать любую беседу. Чем не невеста? Происхождением. Семья была простовата. Отец, правда, с высшим образованием, но трудился всю жизнь на заводе начальником цеха. Общался с простыми работягами, где уж тут приобрести аристократические манеры? Мама была лаборанткой в научном институте. У нее как раз окружение оказалось весьма и весьма высокообразованное. Но она была ближе к пробиркам, чем к людям. Единственное, что мама впитала в себя вместе с химикатами, так это мысль о том, что дочь обязательно должна выбиться в люди, чтобы не стоять в подсобке, пока другие с умным видом рассуждают о гетерозиготных крысах и их поведении в брачный период.

– Учись, Милка, – твердили оба родителя, и Мила, как примерная дочь, беспрекословно следовала их заповеди.

Но теперь она догадывалась о том, что одного образования недостаточно, чтобы составить Генке хорошую партию. Не было в ней природной аристократичности, не было и приобретенной. Родители Милки, люди хорошие, порядочные, достаточно строгие и требовательные, о приличных манерах, конечно, имели весьма смутное представление. А если и имели, то скорее всего считали это пустой и ненужной канителью. Да и сама Мила, сначала завороченно глядевшая на Генкину мать, с течением времени стала раздражаться от витиеватости речи, от фальшивой улыбки, от всегда накрашенных губ и надушенной шеи, от неизменного, отдаляющего «вы», которое всегда подчеркнуто ставило Милу на ступеньку ниже. Другое дело ее родители:

– Геночка, молодец, что зашел. Сейчас чайку заварю, у меня и пирог готов. – Мама выходила из кухни и, не чураясь, крепко целовала иногда колючую Генкину щеку. А что стесняться? На правах будущей тещи. Предложение сделано, все по чести. Его Генка сделал, как только Мила заикнулась о том, что мать ее постоянно упрекает в потерянной девственности. Говорит: приличные девушки так себя не ведут.

– Это ты-то неприличная? – Генка расхохотался. Мила, несмотря на всю неумность его атаки, держала оборону восемь месяцев, а когда дошло до дела, полчаса стояла за ширмой и причитала о том, что секс до свадьбы – запретный плод, за вкушение которого ее непременно ждет наказание. В общем, приличия соблюла – дальше некуда.

Посмеяться Генка посмеялся, а на следующий день появился к Милиным родителям с букетом и тортом. Гладко выбрит, в шикарном костюме – жених. Раз жених, то с кольцом. Опустился на колено, попросил руки. Сердцем-то уже завладел прочно, и просить не надо. Отец пожал руку, мать прослезилась, а Мила повисла на шее. Не до приличий уже. Любовь. И с тех пор всё. Мать пироги печет, отец с будущим зятем в шахматы играет да в шашки. И неважно, что зятек почти всегда выигрывает, а батя поражения терпеть не может. В этом случае он только улыбается в усы и фырчит:

– Ну, молодец. Молодец. – Еще и по плечу Генку похлопает, выражая довольство. Умный зятек попался, дельный. Далеко пойдет. Повезло дочке.

Мила иногда вздрагивала, смотрела испуганно на Генку. А вдруг не понравится ему такое панибратство? Ведь у них в семье так не принято. И тут же понимала: Генка кайфует. Он получает удовольствие от того, что свой здесь, родной, Милкин. И не раздражают его ни капли ни мамины поцелуи, ни папины мужские объятия. Он их уже любил – родителей своей обожаемой женщины. Он принимал их правила, принимал легко и безоглядно. И Милке бы сделать то же самое. А она дурила. Не могла переступить через себя. Все ей казалось напыщенным и искусственным в Генкином доме. Каким-то показным. Удивительно, что Генка умудрился вырасти таким настоящим в подобной обстановке. Миле не хотелось подстраиваться и угождать. Она даже вела себя нарочито вызывающе по отношению к возможной свекрови, строила из себя ту никудышную, невоспитанную девку, которой на самом деле не была. То словно специально не замечала положенного перед ней ножа и водила по жирной тарелке указательным пальцем, а потом еще и облизывала его, с удовольствием наблюдая, как губы Генкиной матери кривятся в презрительной усмешке. То вдруг начинала натужно и громко сморкаться в бумажную салфетку, обнаруживая отсутствие в кармане обязательного кружевного носового платка. То на обычный вопрос женщины: «А что вы думаете о картинах Левитана?» (и вопрос не праздный, не проверяющий знания. Они просто обсуждали досуг в Москве, и Людмила Петровна сказала, что стоит сходить на Левитана) брякала:

– Это кто? Режиссер, да? А какие он фильмы снял.

Генкина мама тогда аж закашлялась, а сам он соорудил Миле страшные глаза и погрозил пальцем.

– Ты, Милка, язва, – заявил он наедине.

– Язва, – согласилась Мила. – Просто я защищаюсь.

– От кого? От чего?

– От дурного аристократического влияния. – Теперь она делала страшные глаза, а он хохотал.

Мила была совсем не глупой и понимала, что должна кипятком писать от того счастья, что Геночка выбрал ее, а не девушку своего круга. Он стал ее шансом, ее ключиком к входной двери в светлое будущее. А Мила делала вид, что не ценила и не восхищалась. Все она ценила, просто не показывала. И без того слишком много людей перешептывалось и за спиной, и перед глазами, упорно спрашивая и не находя ответа на вопрос: «Что он в ней нашел?» Но ведь нашел же что-то. А раз так, то пусть сам радуется, пусть восхищается, пусть ценит и любит, любит, любит. И Генка любил. Генка ценил. Генка прощал. Даже эти странные и довольно обидные кульбиты перед его матерью. Кто бы сказал Миле, что эта женщина впоследствии станет ей одним из самых близких людей, не поверила бы ни за что. А так случилось.

Мила сидела перед компьютером, укрывшись пледом воспоминаний. Сообщение она до сих пор не открыла, будто хранимая в нем тайна позволила уснувшей надежде вновь пробу-

диться в закоулках души. Мила стряхнула с себя наваждение. В конце концов, личное сообщение можно прочитать и дома. Нечего тут штаны просиживать, уже через восемь часов обратно ехать. Все! Она решительно поднялась, выключила машину и направилась к лифту. Сейчас она сядет в свой рабочий «Мерседес», порулит по ночной Москве и позвонит Людмиле Петровне. Она, конечно, не спит. Смотрит, наверное, очередное политическое шоу. Звонку непременно обрадуется и начнет увлеченно рассказывать об увиденных на экране баталиях. Что ж, это именно то, что Миле сейчас нужно. Слушать и слышать то, что не задевает ни единой струны ее сегодня неожиданно снова раненной души.

Шура

В детстве ее называли щуренком. Прозвище прижилось, а подросший щуренок превратился в настоящую щучку. Взгляд у Шуры был внимательный и цепкий, движения резкие, хищные. А в улыбке всегда обнажался ряд мелких острых зубов. И характер был совсем не покладистый. Дурной, в общем, характер. Про таких говорят: «Палец протяни – руку оттяпает». В последнее время Шура размышляла о том, как бы оттяпать у загулявшего мужа кусочек квартиры, хотя по закону было не положено. Квартира, купленная до брака, принадлежала ему. Прожили они всего два года, детей общих не родили. Пожиться-то и нечем. Машин не покупал, шуб с бриллиантами не дарил. Да ей и не надо было. Это теперь, когда до развода дошло, она грустила, что раньше не задумывалась о материальном. Да и сейчас о материальном она думала в нагрузку к духовному. Сильно болела мама, и ее надо было вытаскивать, спасать. А тут без денег не обойдешься. Назанимала у всех. Когда получалось, отдавала то одному, то другому, чтобы через какое-то время занять снова.

И сегодня Шура тоже заехала к знакомой, чтобы отдать долг. Жгут чужие деньги и руки, и нутро. Как появилась возможность вернуть, так Шура и побежала без звонка, без предупреждения. А в доме были гости. Шуре на пороге сообщили, что отмечают начало Листопада и она обязана принять участие во всеобщем угаре. Шура угорать не хотела. Дома ждали мать и сын. Но так часто бывает, что ты вроде и не собираешься, а потом сам не замечаешь, как оказываешься в тапочках, сидишь за столом, что-то ешь, хохочешь и пьешь уже третью рюмку. Через пятнадцать минут Шуру повело, через полчаса затошнило. Пока не случилось позора, она поспешила в ванную. Закрылась, склонилась над умывальником, брызгала в лицо холодной водой в перерывах между приступами рвоты. Когда полегчало, выключила кран, но так и осталась сидеть на краю ванны, склонившись над раковиной, боясь шевельнуться и снова оказаться в плену у немощи. И вдруг услышала. За стеной на кухне красивый мужской голос уверенно рассуждал о новых методах лечения рака, о разработанных препаратах и большом проценте выживаемости. Шура буквально выскочила из ванной. Даже в зеркало не взглянула. А было на что посмотреть. Блузка запачкана, юбка набекрень, лицо усеяно точками лопнувших сосудов. Красавица! Но ей было не до того. Все оказалось так к месту и ко времени, что разве можно медлить?

– Здравствуйте, – влетела она на кухню, чуть не врезавшись в одного из куривших мужчин. – Мне нужен тот, кто сейчас говорил про рак.

– Володька, это тебя, – хохотнул чудом избежавший столкновения толстяк.

Володька – высокий симпатичный мужчина лет сорока, вроде не присутствовавший за столом во время Шуриных возлияний, – молча рассматривал ее, впрочем, без всякого интереса. А вот он ей понравился, сразу понравился. Это она чуть позже поняла, а тогда было не до осмысления чувств. Она была вся сплошной порыв, сплошное действие. Шука, которой нужна добыча.

– Вы можете вылечить рак? – спросила без всяких преамбул.

– Не обещаю, но попробовать стоит. – В его глазах мелькнул интерес. А Шура почувствовала облегчение. Вот это да! Ни единого вопроса. Все четко и конкретно. Видела бы она себя в зеркало: юбка болтается где-то намного ниже талии, волосы растрепаны, взгляд полубезумный. Какие вопросы? Все вполне понятно. Человек не в себе, и ему надо помочь прийти в чувство.

– Когда начнем? – Шука выплыла на первый план и не собиралась уходить на дно.

– Можем завтра. – Он вынул из кармана визитку и протянул. Шука уцепила главное: «Заведующий отделением онкологии...» – Позвоните мне.

– Уже кого-то очаровал? – В кухню вошла высокая интересная женщина в модном приталенном платье с восхитительным декольте. Она уверенно взяла Володю под руку и капризно добавила: – Пора домой. – В Шуру при этом острым копьем вонзился убийственный взгляд. Но, споткнувшись об нее, сменился недоуменным. Вот эта? К моему мужу? Ну и чучело. Право, смешно. Где она и где я? Обладательница роскошной груди в молчаливом превосходстве повела покатым женственным плечом, прижалась к мужу покрепче и потеряла к Шуре всякий интерес, раз и навсегда вычеркнув ее из числа возможных конкуренток. Только уточнила у Володи:

– По работе, что ли?

– А у меня по-другому и не бывает. – Шура заметила, как он отстранился от жены. Чуть заметное движение, а с головой выдает, что у пары есть проблемы. – Домой так домой. – И обратился к Шуре: – Позвоните мне... э-э-э...

– Саша.

– Значит, договорились, Саша, жду звонка.

И он ушел, напрочь забывая о ней. Мало ли пациентов у онкохирурга?

А вот она не могла думать ни о чем другом. Вернее, ни о ком. Действительно, она не могла разобрать, чему рада больше: надежде вылечить маму или возможности увидеть его снова. Увидеть и помериться силами с этим уничижительным взглядом его красивой жены. Она, конечно, роскошная женщина, но против шуки не устоит. Шура позвонила следующим же утром. Конечно, неудачно. И еще пять раз так же. Обход, операция, абонент недоступен, совещание, снова обход. Ближе к вечеру он перезвонил сам. Коротко бросил в трубку:

– Владимир. Я вас слушаю.

– Назначьте дату приема, – так же коротко ответила Шура. Пусть знает, что она ценит его дорогое время.

– Завтра в час дня, двадцатый кабинет. Адрес...

– Он есть на визитке.

– Жду. И возьмите все обследования.

На другой день, сидя перед кабинетом, Шура выглядела немногим лучше, чем в момент их первой встречи. Одежда, конечно, была чистой и не спадала, но в остальном не наблюдалось в женщине ничего, что могло бы позволить назвать ее привлекательной. Волосы собраны в простой хвостик, на лице ни грамма косметики – одни лишь следы бессонной ночи. Обувь без каблучков, никаких украшений. Сама простота без всякой изысканности. Кто бы понял, что это первый выстрел, первый щучий захват! Зачем ему похожая на жену роскошная, ухоженная женщина? У него уже есть такая. Нужна противоположность: неброская, неяркая, несчастная, которую хочется украсить, обогреть, разбудить, спасти, наконец. Он же врач, в этом его интерес. Но для начала пусть спасет маму.

Он внимательно изучал снимки, анализы, заключения других врачей. Наконец объявил:

– Случай небезнадежный.

Шура крепко сжала мамину руку.

– Мы были в этом уверены.

– Но с операцией тянуть нельзя. Я могу вас госпитализировать уже сегодня.

Не дав маме опомниться, Шура согласилась. Шука не медлит. Она атакует стремительно, а некоторую рыбешку даже заглатывает целиком.

– Я распоряжусь, вас проводят в палату. Палата, извините, на четверых. Тут у нас пекутся о результате, а не об условиях.

– Конечно, я все понимаю.

– Посещения дважды в день, расписание висит внизу, там же перечень разрешенных продуктов. Общение с лечащим врачом два раза в неделю, во вторник и в четверг. Ну, за исключением дня операции, естественно. Когда назначу, сообщу. До этого обсуждать нечего. – Владимир нажал на кнопку селектора, и буквально через секунду в кабинете появилась медсестра. Он ничего не сказал. Ситуация была известна и повторялась ежедневно.

– Пройдемте в палату. – Медсестра помогла больной подняться. Шура тоже встала. Вот ведь сухарь. Никакого особого отношения. Подчеркнуто никакого. Посмотрим, чья возьмет. Она уже шагнула из кабинета, как вдруг обернулась и спросила так, будто это пришло ей в голову только что.

– А вы читаете лекции?

– Лекции? – Он смотрел на нее непонимающими глазами. – Какие лекции?

– По теме. Врачи ведь обычно принимают участие в конференциях, читают доклады. А раз у вас новый метод, то вы должны...

– Я ничего никому не должен. Но лекции иногда читаю, когда зовут. Хотите послушать? Не тратьте время. Все равно ничего не поймете. Я расскажу все, что вас интересует, во время встреч родственников с лечащим врачом.

– Нет, я хочу позвать. – Шура почти с наслаждением наблюдала, как изменились его глаза. Уставшие и лишенные всякого интереса, они мгновенно ожили и смотрели на Шуру в ожидании продолжения. А вот и первый эффектный жест. Вынутая из сумочки и положенная перед ним на стол визитка. Конечно, он тут же прочитал: «Доцент кафедры нервных болезней института Молекулярной биологии...»

– Позвоните мне. – И Шура вышла из кабинета с чувством маленькой победы. Откуда-то появилась уверенность: мама выживет и с Владимиром все получится. А иначе вовсе она не шулка.

Сомневаться в своих шучьих способностях Шуре не приходилось. Она многое в жизни не получила, а именно добыла. Высшее образование, потом аспирантуру, затем сына. Она ведь об институте даже и не мечтала. Училась средне. Не потому что соображала плохо, просто не так хорошо и скоро, как другие. Ей бы посидеть, время потратить, а не получалось. Дома лежал парализованный отец, а во второй из двух комнат копошились пятилетние сестренки-близняшки. Мать надрывалась на трех работах, а хозяйство было на Шуре. Пока детей накормишь, напоишь, развлечешь, больного обиходишь, еду всем приготовишь да приберешься немного, чтобы запах лекарств и хвори в доме не застаивался, уже и не до уроков. Так что в ее ситуации еще и неплохо она успевала. Второгодницей не была, вполне средней ученицей. А по биологии и вовсе отличницей. Но об институте не помышляла. Мать только и говорила:

– Вот окончит Шуренок школу, работать пойдет, хоть вздохну немного. Может, пальтики девчонкам новые справим, а то в латаных-перелатаных бегают.

Шура не обижалась. Даже в голову не приходило. Какие обиды, когда мать сама на себя не похожа. Сорок еще не стукнуло, а полголовы седые, глазницы ввалились, тела совсем нет. Да и голодная постоянно. Все лучшее детям. А сколько денег на лекарства уходит, столько и не заработаешь. Что еще Шуре делать, если не матери помогать? Разве плохо, если сестрички в обновках щеголять будут? А институт так, одна блажь. Ну, нравится ей биология, ну, могла бы она, предположим, опыты всякие проводить да наукой заниматься, только до этого ведь еще дойти надо. А как дойдешь, если, кроме биологии, остальное не ладится? Еще ведь

изложение написать надо. Память у Шуры не хромает, а грамотность на нуле. Даже если и родит на троечку, для проходного балла не хватит. Еще и химию надо сдать. А с ней все просто ужасно. Но тут уж не по Шуриной вине. Просто химичка – бабушка лет за восемьдесят – к тому моменту, как начала у них преподавать, сама успела забыть свой предмет. Где уж до других донести! Если бы у Шуры была возможность с кем-то другим заниматься. Так ведь не было такой. А все эти если да кабы, кому они интересны?

В общем, к концу десятого класса будущее Шуры определилось. Днем работа, вечером курсы парикмахеров. Вот окончит их и сможет прилично зарабатывать. Заодно мать в порядок приведет, а то ведь смотреть больно. Вместо волос какая-то пакля на голове. В редкие свободные минуты репетировала на одноклассниках. Подбирали прически к выпускному, крутили волосы на бигуди, выстригали и укладывали косые челки. Однажды Зойка Тришкевич спросила:

– Шур, а наоборот сможешь? Уродство какое-нибудь изобразить?

– Зачем это?

– Да прикинь, предки совсем с ума спятили. Хотят меня в институт упечь.

– Тебя?! – Было чему удивляться. Вот уж у Зойки имелись все возможности учиться, а желания ни на йоту. Да и мозгов подходящих не случилось.

– Вот и я им о том же. Выдайте, говорю, замуж и успокойтесь. Так ведь нет. Заладили: образование, образование. А зачем оно мне, когда я собираюсь борщи варить да младенцев рожать?

– Понятно. А страшил-то из тебя зачем делать?

– К нам сегодня какой-то родительский знакомый с биофака пожалует, будут просить его похлопотать за меня. Хочу ему не понравиться.

– С биофака? – Шура почувствовала, как ухнуло сердце.

– Ага. Представляешь меня у микроскопа! – Зойка захохотала.

– У микроскопа... – мечтательно повторила Шура. – Если бы только я могла...

– Эй, ты чего? Тоже на биофак хочешь?

– Хочу, но не могу. Мне работать надо.

– Так на вечерку иди. Или работай... ну-ну-ну... ну вот официантом, например.

Шура во все глаза смотрела на Зойку. Потом порывисто обняла ее и чмокнула в щеку:

– Подруга, ты – гений!

– Скажи это моим предкам. Всю плешь проели: «Мозгов нет. Ума нет. Что из тебя вырастет?» Да вырос вроде человек уже. А все им не так и не то.

– То, Зоинька, самое то. – В Шуре включилась шука. И как только она раньше не подумала об официантке? Хотя если бы и подумала, как быть с провалом в химии? Но раз уж тут Зойка со своим блатом, то надо брать быка за рога и ни о чем не жалеть. Это судьба. – Так, дорогая, никакую страшил-то мы из тебя не делаем. Рулишь домой, изображаешь крайнюю степень заинтересованности и запоминаешь, что и как ты должна делать на экзаменах, чтобы тебя... Блин, ну, как же это слово... на языке вертится... идентифицировали... вот.

– Чего?

– Экзамены же все письменные, верно?

– Ну.

– Вместо фамилий в списках номера, так?

– Наверное.

– Значит, членам приемной комиссии следует подать какой-то знак, что это свой, надо брать, понимаешь?

– Да шут их разберет, какие у них там знаки?

– Вот пойд-и узнай.

Экзамены Шура выдержала. Поставила в указанных Зоей местах какие-то галочки-палочки и стала студенткой биофака, не испытывая ни малейших угрызений совести. А зачем мучиться? Шура ощущала себя на своем месте. Кроме того, она ведь помогла подруге избавиться от ярма. Ну не желала Зойка учиться, к чему заставлять человека? Хочет она замуж – пусть идет. Нарожает деток – осчастливит родителей, те и не вспомнят о фокусе с институтом. Шура так никогда и не узнала, что Зоя, болтаясь без дела, связалась с плохой компанией и через полгода погибла. Ее отец, не выдержав удара, скончался от инфаркта, а мать несколько месяцев провела в клинике нервных болезней, попросту говоря, в психушке. Шуре неоткуда было узнать об этом. С одноклассниками она не общалась. У нее и поесть-то минуты не находилось, где уж там тратить время на телефонный треп, не говоря о походах на вечера встреч. Шура училась и работала, спала в основном в метро. И все было не в тягость, все в удовольствие. Бегая с подносами, она думала о том, что эта беготня приносит желанные деньги, а засыпая над очередным опытом, заставляла себя пробуждаться мыслями о замечательном будущем. Она станет не просто биологом, а таким ученым, который откроет новое лекарство от чего-нибудь ужасного. Например, от СПИДА или от какой-нибудь африканской лихорадки. А лучше всего от рака. Да-да, от рака это будет самое то. Она изобретет и получит Нобелевскую премию, и никто, ни одна живая душа не посмеет даже подумать, что она, Шура, заняла когда-то не свое место.

Когда она училась на третьем курсе, ушел из жизни папа. Обычно, когда умирают такие больные, родственники вместе с горем не могут не чувствовать облегчения. Семья Шуры не стала исключением. Уже на следующий день после похорон сестренки выставили Шуру из комнаты: «Ты теперь и с мамой жить можешь». «Моя кровь, – с одобрением подумала Шура, – щучья». По носу, однако, мелкоту щелкнула:

– Это мама ко мне переедет, а вы туда отправляйтесь. Вы – маленькие, вам и десяти метров хватит. А мы с матерью уже заслужили, чтобы не тесниться.

Квартиру покинул запах лекарств и усталого, покрытого пролежнями тела. Зазвучал детский смех – девочки начали приглашать к себе друзей, раньше стеснялись. Мать тоже преобразилась. Расправила плечи, раскошелилась на новые туфли и даже сходила в парикмахерскую. Шура удивленно отметила, что мама еще вполне себе. И как в воду глядела. Через полгода у матери завелся поклонник. И не абы какой, а с серьезными намерениями.

– Замуж выхожу, – объявила она девочкам. – Надоело все на своем горбу тащить, хоть немного ноша полегче станет.

– А ты его любишь? – запищали близняшки.

Шура только и сказала:

– Выходи, мам, все правильно.

Мать переехала к мужу в Подмоскovie. Близняшки категорически отказались менять школу и остались на Шурином попечении. Она о них не слишком-то и пеклась, была занята своей жизнью. Еду готовила, вещи стирала, но вот так, чтобы уроки проверить или по душам поговорить, – это нет. Доползти бы до кровати, какие уж тут разговоры, если даже язык не поворачивается от усталости. Впрочем, сестренкам хватало общения друг с другом. Они намеревались поступать в театральный и все свободное время тратили на постановку каких-то этюдов и разучивание отрывков. Их выпускной класс пришелся на выпускной Шурин курс. Она планировала после диплома устраиваться на работу. Уже наметила несколько интересных лабораторий и методично налаживала отношения с преподавателями, которые могли поспособствовать трудоустройству именно туда. Кому-то помогала напечатать доклад, за кого-то читала лекции, для кого-то ездила за книгами в библиотеку. Вроде по мелочи, а приятно. В общем, шла к своей цели по проторенной дорожке. Но однажды с девочками обсуждали грядущее поступление.

– Эх, старый ты, Шуренок, – неожиданно упрекнула Аленка.

– Ага, – тут же поддержала Даша, – вот еще бы годок проучилась, было бы замечательно.

– В каком смысле?

– А в таком. Мама не работает, ты – учишься, мы – малоимущие, значит, имеем льготы на поступление.

– Какие еще малоимущие? – справедливо возмутилась Шура. Новый мамин муж хорошо зарабатывал, жену он посадил дома на полное обеспечение и никогда не скупился подбросить ее девочкам копеечку.

– Ну, по документам, Шур. Мама же не расписана. Значит, получается, живем на пособие, а если бы еще и ты не работала, так вообще шикарно. Мы тогда в первых рядах абитуриентов.

– Я думала, в театральный за талант берут.

– Ну, конечно. Только после творческих туров еще и экзамены надо сдать, – Алена.

– Вот тут бы льготы не помешали, – Даша.

Шура хотела было возмутиться, но тут же вспомнила свою историю. В конце концов, если способности позволят сестренкам дойти до общих экзаменов, то нет особой разницы, есть у них какие-то льготы или нет. Главное, талант налицо. Да и потом, все равно ведь она заканчивает учебу, чего уж теперь рассуждать и расстраиваться. Ну не на второй же год ей оставаться, в конце концов.

– Сами пробьетесь, – обнадежила она сестер.

– Постараемся, – нестройным хором. Но столько уныния, столько безнадеги и сомнения в их голосах, что мозг Шуры мгновенно запускает механизм, и шестеренки начинают крутиться в непредвиденном направлении. И накручивают-таки. «А если аспирантура?» – думает она буквально через несколько секунд. Сначала сама испугалась собственной мысли. Какая аспирантура? Тут надо было еще на третьем курсе озвучивать свое желание, с научным договориваться, чтобы тебе тему подбирали, место обеспечивали. А теперь как? Туда тоже конкурс. Особенно из молодых людей, которым совсем не улыбается после биофака на год менять микроскоп на автомат. И куда она теперь со своим желанием? Ну не в постель же к декану. Нет, это мелко. Да и потом, декан женщина, какая постель? Нет, надо придумать что-то другое, нарыть какой-то революционный метод, встать на пороге открытия, чтобы ради тебя захотели кого-то подвинуть. Но не с потолка же это открытие взять. А откуда, если, кроме родного биофака, нигде и не бываешь? Нет, ну еще в ресторане с подносом носишься, но это совсем не в тему.

Оказалось, в тему, да еще как. Буквально на следующий день именно в ресторане ей удалось стать свидетельницей судьбоносной беседы. Она стояла за стойкой бара. Шура часто оказывалась там, когда не было наплыва клиентов, а приятель бармен убегал покурить. Двое мужчин лет пятидесяти присели и заказали кофе. Уже через минуту, отхлебнув из чашки, один начал разговор.

– Меня тут осенило на досуге. Погляди-ка. – Он вытащил из кармана пиджака какой-то листок, развернул его и положил перед собеседником. Краем глаза Шура увидела формулы, судя по всему, химические соединения.

– Предлагаешь поменять порядок соединения?

– Стоит попробовать.

– Мысль интересная. Если получится – прорыв.

– Не думаю, что прорыв, но рост раковых клеток удастся замедлить.

Шура даже не успела подумать, рука сама потянулась к телефону и нажала кнопку сигнала. Телефон зазвонил, и она, бросив короткое «да» в звенящую длинным сигналом трубку, обеспокоенно обратилась к мужчинам:

– Там чья-то машина сигнализацией воет, охрана волнуется. Проверьте, не ваша?

– Черт! – Владелец листочка буквально подскочил. – Тесть дал прокатиться на иномарке. Не дай бог какая царапина! – Он метнулся к выходу, его товарищ за ним. Забытый на стойке листок мгновенно перекочевал Шуре в карман.

– Девушка! – Уже через несколько минут оба были на месте. – Мы тут бумажку оставили. Вы не убирали?

– Я – нет. У нас для этого есть уборщица, но если это так важно, я пойду уточню.

– Девушка, очень, очень важно. Переверните весь мусор, – изобретатель формулы жутко разволновался, – то есть принесите пакет, я сам все переверну. Это документ, понимаете?

– Понимаю, – спокойно ответила Шура, удаляясь на кухню, а про себя подумала: «Вы даже не представляете себе, насколько хорошо».

Выждав какое-то время, она придала лицу расстроенный вид и, выйдя в зал, развела руками:

– К сожалению, мусор вывезли.

– Да что вы несете? Пять минут всего прошло.

– Да я только оставил.

– Неудачное стечение обстоятельств, – пожала плечами Шура. – Уборщица пошла к контейнеру, а его как раз в мусоровоз загружали, пакет туда напрямиком и отправился. Если хотите, я могу узнать, на какую свалку вывозят наш мусор.

– Идиот! – сказал коллега бывшему владельцу формулы.

– Знаю, – вздохнул тот.

– Ты хоть восстановить-то сумеешь?

– Наверное, но я не уверен.

– Витя! Я тебе через день говорю: купи компьютер и работай там, а не на бумажках.

Они ушли, проклиная судьбу, Шура же достала из кармана заветный листок и углубилась в изучение. К ее счастью, изобретатель, видимо, не слишком рассчитывал на собственную память, потому что все ступени соединения оказались описаны так подробно, что студенту биофака было хоть и с трудом, но возможно в них разобраться.

Не теряя и дня, Шура помчалась к своему научному руководителю. У нее, конечно, хватило ума оставить дома заветный листок. Она принесла преподавателю только половину формулы и сказала:

– Считайте меня Менделеевым, мне приснился сон. Думаю, что это недоработанное лекарство и, похоже, направленное на борьбу с раковыми клетками.

Руководитель с ней, конечно, согласился.

– Я думаю, эту формулу возможно вывести на должный уровень, но необходимо время для исследования, а лучше всего – лаборатория. Шура, вы же знаете, что время дают аспирантам, а лаборатории только обладателям грантов. Этот материал, безусловно, достоин, но гранты нынешнего года уже распределены.

– Андрей Сергеич, я все понимаю, мне бы только микроскоп, вашу помощь и место в аспирантуре.

Педагог закусил губу, пожевал усы, почесал висок и наконец резюмировал:

– Попробую устроить.

Устроил. И Шуру в аспирантуру, и, таким образом, ее сестричек в театральный. Льгота пришлась как нельзя кстати. Потому что талант талантом, а конкуренция высочайшая. Шура аспирантуру исправно посещала, раз в месяц показывая руководителю очередной кусочек из готовой формулы на заветной бумажке, и ждала звездного часа. Вот допишет диплом, и ее с ногами оторвут крупнейшие фармацевтические компании или какая-нибудь серьезная лаборатория. Работа была написана, но с практическими доказательствами не все было так просто, как этого ожидала Шура.

– Напишешь в практикуме, что положительный эффект отмечен у семидесяти пяти процентов больных, – распорядился научный руководитель.

– То есть как напишу? А на самом деле? Когда будут проходить испытания?

– Шура, бог с тобой, какие испытания?! Мы занимаемся наукой, а до практики нас никто так легко не допустит.

– То есть как не допустит?! Это ведь может помочь миллионам!

– А может и не помочь. Мы же не знаем наверняка.

– Так надо узнать. Надо протестировать.

– Шура, где? На ком? Мы – биологический факультет, а не лаборатория с патентом на производство лекарств. Никакая больница, ни один врач не будет рисковать и проводить опыты с препаратом, предложенным неизвестно кем.

– Биофак – это неизвестно кто?

– Еще раз говорю, биофак – неуполномоченная организация.

– Но это... Как же так? Но ведь...

– Да не расстраивайся ты так. Сейчас защитишься и дуй, устраивайся в лабораторию.

Собеседование с таким козырем на раз пройдешь.

– И люди получают лекарство?

– Ну... если все эксперименты пройдут удачно, то лет через пять-десять.

– Сколько?

– А сколько ты хотела? Это еще не очень большой срок для такой масштабной разработки.

Шуре было грустно. Но вовсе не от того, что своим поступлением в аспирантуру она могла украсть жизни у миллионов больных. Как знать, скорее всего те ученые из ресторана работали над лекарством уже не один год, и проводили эксперименты, и им остался только один маленький шаг, и лекарство бы получилось и поступило бы в продажу. Но свой шаг сделала Шура. И жалела о нем, однако лишь потому, что он не привел ее к ошеломляющему результату, которого она ожидала.

Впрочем, советом научного руководителя Шура воспользовалась и предложила свое исследование на рассмотрение одной из ведущих лекарственных лабораторий. Метила, естественно, высоко – материалы отправила за границу. Вскоре получила ответ, что подобная формула давно выведена их специалистами, а лекарственный препарат несколько лет существует в свободной продаже.

– Как же так?! – негодовала Шура. – Я думала, что совершаю открытие.

– Детка, – научный руководитель – старичок в сединах, давно научившийся отделять теорию от практики, – жалел наивную Шуру, но не мог не удивляться этой наивности, – ты уже не такая маленькая. Должна понимать, где мы и где они.

– Где? Я всегда считала, что наша наука...

– Ну ты же не знаешь, какие ученые вывели для них эту формулу. Скорее всего наши. Просто там больше возможностей применять открытия на практике. А наш удел другой: описывать теорию. У тебя, кстати, это прекрасно получается. Тут на кафедре молекулярной биологии (как раз твоя тема) освободилось место доцента. Если подсуедемся, займешь, будешь собирать материал на докторскую, опыты проводить. Подумай.

Шура думала примерно неделю. Работа в научной лаборатории была ее целью, заветной мечтой. Но, с другой стороны, всего лишь ступенью к великим свершениям. А вышло, что ожидания оказались напрасными. Нет, конечно, можно всю жизнь ставить опыты на мышах, писать статьи и быть известной в узких кругах. Но вот так, чтобы прославиться на весь мир, чтобы совершить нечто выдающееся... Неужели не получится? Неужели и она останется ни с чем? Вот, например, сестрички. Столько лет грезил о сцене и славе. Видели себя на столичных подмостках и на киноэкранах. Даже снялись в какой-то рекламе пару лет назад. Должно же было хоть что-то проклюнуться в результате постоянного обивания порогов студий и бесчисленных кастингов. Они пытались играть на своей похожести, но в моде, как всегда, оставалась индивидуальность. В итоге к такому выводу пришел даже их мастер,

который перестал уделять близнецам внимание, занимать девчонок в этюдах, а потом и вовсе сказал откровенно:

– Диплом получите, а дальше пустота. Не теряйте времени.

Послушались обе, но по-разному. Аленка перевелась в театральный институт Ярославля. Надеялась на то, что драмтеатр в этом городе как гремел при Федоре Волкове, так и будет продолжать греметь и свое восхождение на Олимп можно начать оттуда. Дашка же, заметив, что «в этот драмтеатр тоже надо суметь попасть», с актерскими амбициями завязала окончательно, а вскоре познакомилась с каким-то «гениальным» поэтом, который писал в стол и даже не пытался напечататься. «Поэзия сейчас мало кому интересна. Мир не тот. Человечество в упадке». Аленка укатила с ним под Нижний Новгород, где ему от бабки достался дом в деревне и корова. Можно было жить натуральным хозяйством и продолжать писать в стол.

– Долго не протянешь, – пообещала Шура сестре.

– Посмотрим, – беззаботно откликнулась та.

– Неужели читать свои стихи коровам – это те мечты о большой сцене, что еще недавно владели тобой целиком?

– А хоть бы и так.

Удивительно. Дашка в деревне прижилась. Питалась с огорода, на жизнь не жаловалась. Непризнанный гений иногда подхалтуривал: писал сценарии деревенских праздников и сам их проводил. На жизнь хватало. Дашка ходила беременной. Когда гормоны заставляли ее вспоминать о своем неудавшемся актерстве, она звонила Шуре и читала в трубку монологи толстовских героинь. После этого снова чувствовала себя счастливой и говорила довольно:

– Слава богу, что хватило ума все это бросить, правда?

– Конечно, – отвечала Шура. А про себя думала: «Дура! Разменять талант на кабачки. А я, между прочим, ради твоего успеха формулу украла. Ну и успех, однако, вышел. Ничего себе успех. Вот именно, что ничего. И с формулой у меня не вышло. Может, хоть у того дядечки получилось. Может, это он для лаборатории все восстановил».

Действительно он. Только это восстановление заняло не один месяц. Он буквально бредил этой формулой, забыв обо всем. Работа, работа, работа – дело всей жизни. В итоге добился прорыва. А в семье сплошной упадок. Жена не выдержала этой гонки и подала на развод. В иностранную лабораторию пришлось ехать одному. Конечно, все это можно пережить, особенно если тебе сопутствует успех. Но вслед за ним потянулись рядовые будни, приправленные горьким одиночеством. Прижиться не получалось. Ему, сделавшему многое для иностранного государства и для человечества вообще, дали гражданство, а он чувствовал себя чужаком. Жена не хотела с ним общаться. Дети, правда, отношения поддерживали – взрослые уже, но в гости не приезжали. Полно своих забот. Одиночество давило, тянуло и окольцовывало. Он начал выпивать. Рюмку, стакан, бутылку. Рядом не было никого, кто остановил бы. И он не останавливался. Зачем? Все равно главное открытие он сделал, а другие в уже пропитую голову не приходили. С работы уволили, из хорошей квартиры пришлось съехать. Жил в конуре, которую удавалось снимать на пособие и, иногда трезвея, все пытался представить, как сложилась бы жизнь, если б он не оставил заветную бумажку на барной стойке. А ну как немного счастливее?

Шура, конечно, так далеко в своих мыслях об этом человеке не заходила. Какое ей до него дело? Своих забот хватает. Все-таки соглашаться на работу на кафедре или не стоит? Что это? Шанс или шаг назад? Быстрая горная речка, которая обязательно прибьет к какому-нибудь интересному берегу, или болото, что засосет и никуда не отпустит. Прежде чем принять решение, Шура изучила обстановку на рынке труда. За специалистами с дипломом биофака очередь не стояла. Она позвонила в несколько фармацевтических компаний и услышала:

– Сейчас свободных вакансий вашего уровня нет. Но пришлите резюме, мы с вами свяжемся в случае необходимости.

– А какого-то другого уровня? Можно начать и с малого.

– Что вы, что вы. Вы – кандидат наук, ученый, разве можно брать вас торговым представителем?

Да, торговым представителем быть не хотелось, ждать у моря погоды тоже. Шура решила согласиться. В конце концов, не сидеть же дома. Уж лучше в лаборатории. «Поработаю максимум год. За это время точно что-нибудь да случится».

Случилось. Шура влюбилась. Первый раз в жизни. В заведующего кафедрой. Какой тут уход, какие поиски новой работы, если она с трудом могла ночь провести вдали от любимого. Вдали потому, что, конечно, он был глубоко женат. Разводиться не собирался, о чем сразу честно предупредил. Сначала Шура была так влюблена, что ей казалось достаточным просто дышать с ним одним воздухом. Он есть на свете – и это счастье, а женат или холост – дело десятое.

Оказалось, первое и самое важное. Новый год с женой, в отпуск с женой, даже дни рождения Шура и его благоверная отмечали в один день. Все было как-то перевернуто. Шуре доставались серые будни, а супруге сплошные праздники. К тому же у последней существовало два весомых аргумента – дочери пятнадцати и десяти лет. Судя по возрасту детей да и по фотографиям, что Шуре демонстрировались без стеснения, жена была прилично моложе своего супруга. Но все-таки старше самой Шуры, что оставляло повод надеяться. Но не сильно. Жена была красавицей, глаз не оторвать. Иногда Шура сама не понимала своего мужчину. Как можно было изменять такой женщине? И если можно, то как именно с ней – с Шурой? Потом поняла. Она привлекла его своим слепым поклонением. Любимый страдал нарциссизмом, нужна была женщина, которая неустанно подтверждает, поддерживает его высокое мнение о себе. Шура просто оказалась рядом именно тогда, когда он перестал в полной мере получать желаемое от жены. Возможно, супруге надоело постоянно выражать восхищение его персоной. Годы совместной жизни открывают в каждом недостатки, которые не способствуют поддержанию слепого обожания. Или взглянула на себя в зеркало и поняла, что в семье она достойна не меньшего преклонения, чем дражайший супруг, или просто не думала об этом. Жила себе спокойно, воспитывала детей. Она уже получила, что хотела.

«Получить – еще не победа. Попробуй удержать», – решила Шура, в очередной раз вспомнив о своих щучьих повадках. Кстати, в этом деле, в отличие от предыдущих, она чувствовала, что имеет своеобразный карт-бланш свыше. На кафедре, где невозможно скрыть личных отношений (коллектив небольшой и дружный), ей давно рассказали, что жена эта у любимого не первая. Была у него аспиранткой, увела от законной супруги в два счета. В постель уложила, беременность получила и тепленьким до ЗАГСа. Он же молодой был, только-только докторскую защитил и профессора получил. Еще не заведующий, просто подающий надежды ученый. К тому же бездетный. Чего бы и не увести?

Шурина ситуация, конечно, была посложнее. Все-таки детей приходилось учитывать. Но попробовать стоило. Почему нет? Если она – жена – сама когда-то поступила непорядочно, то вполне заслуживает бумеранга. Шуре бы о своих бумерангах задумываться. Но она же хищник. У нее нет времени на остановку. Конечно, она может затаиться, но лишь в ожидании добычи, а не для того, чтобы на досуге поразмыслить о смысле жизни.

Итак, в активе у объекта вожеления были любимые дочери. Не хватало только сына. Вот эту недостачу Шура и решила взять на себя. Человек уже оказывался в такой ситуации. Значит, при повторе не растеряется, наступит на те же грабли. Исполнение задуманного оказалось, однако, непростой задачей. Во-первых, любовник, которого звали Игорь, был не таким уж простаком. За предохранением следил тщательно и не перекладывал эту миссию на Шурины плечи. Что делать? Не протыкать же резину иголкой. Да и как проткнешь, если упаковка вскрывается непосредственно перед происходящим? План созрел быстро: напоить, завести, овладеть, залететь. Три пункта удались, с последним вышла осечка. План повторялся неоднократно,

но беременности не наступало. Шура пошла по врачам. Диагноз был утешительным: «здорова», но ничего не решающим.

- Мужчину бы посмотреть, – сказала врач-репродуктолог.
- У него двое детей.
- Родных?
- Да! Ой... я не знаю.

Но снимки говорили лучше любого анализа ДНК. Девчонки очень походили на Игоря, сомневаться в отцовстве было глупо.

– Способность к зачатию понижается со временем у всех. То, что было десять лет назад, уже может оказаться совсем неактуально. – Врач продолжала настаивать на необходимости обследовать партнера.

- Да он не пойдет, постесняется, – оправдывалась Шура.
- Ну, если ваш муж хочет ребенка...

А как сказать, что не хочет?

- Пусть только сдаст материал для лаборатории, и все будет ясно.

Шура немного подумала, потом спросила, окрыленная идеей:

- А на дому материал взять нельзя?
- Женщина, о чем вы говорите?! Нужна особая температура, условия и еще...
- Я не женщина, я биолог.
- Тем более. Должны понимать, что это не кочан капусты перевезти, а хрупкий человеческий материал.

Но все же Шура попробовала. И удачно. Лабораторный ответ, правда, не радовал. Активных сперматозоидов оставалось не более десяти процентов. Мизерный шанс забеременеть естественным путем, да и тот практически призрачный.

– ЭКО надо делать, не тянуть. Поговорите с мужем и приходите. – Врач тепло улыбнулась Шура и даже сочувственно погладила ее по руке.

Какое ЭКО? О чем говорить? Да и муж вовсе не муж. Шура думала недолго. В конце концов, пройти эту процедуру могут и одинокие женщины. А она как раз такая и есть. Может, так и лучше. В банке доноры проверенные, здоровые. А у Игоря все-таки уже и давление, и суставы, и близорукость врожденная. Да и статистика упрямо напоминает о том, чем рискуют немолодые родители. Все эти многочисленные синдромы и отклонения. Страшно, в общем. Так что, все, что ни делается, к лучшему. Так решила Шура и уже через пару месяцев сообщила любовнику радостную новость.

Он был слишком самовлюблен, чтобы заподозрить ее в обмане, а тем более в измене. Боже, ну какая тут измена с пробиркой? А у Шуры сияли глаза и улыбались губы. И вся она была такая счастливая, воздушная, даже красивая. И постоянно твердила:

– У нас будет мальчик, я чувствую – будет мальчик. – Уж это она постаралась, уговорила врачей поколдовать над полом перед процедурой.

– Мальчик, говоришь, – Игорь усмехнулся. Нехорошая была усмешка, недобрая. Шура тут же почувствовала неладное. Обломаются здесь щучьи зубки, не сумеют ухватить добычу. – Что ж, чему бывать – того не миновать. – Он смотрел на нее с выражением какой-то необъяснимой брезгливости. – Аборт, я так понимаю, исключен?

Шура задохнулась от возмущения. Стояла и глотала ртом воздух. Какая тут щука? Разве что выброшенная на берег. И какой аборт, когда четвертый месяц пошел? А раньше она и не собиралась говорить. Думала, попадет в сеть и даже трепыхаться не станет. А попала сама.

– Значит, исключен, – кивнул он. – Значит, так, если ты рассчитываешь на мой развод, то этого не будет. Плавали, знаем. И потом, тогда у меня любовь была, а сейчас что? Дешевый романчик.

Если бы у Шуры был новомодный маникюр с длинными нарощенными ногтями, она бы с удовольствием выпарапала этому гаду глаза. Что значит дешевый? Он ее за кого принимает? Ее – кандидата наук, между прочим. И пусть она не изобрела велосипеда, но теперь в лаборатории показывает отличные результаты. Она училась не просто так, она хороший биолог. А ее называют дешевкой. И это после того, как она провела с ним пять лет, лучших, между прочим, лет. И куда теперь? К кому? Одинокая, тридцатилетняя, с ребенком. Не самый интересный букет. Куда-то запропастилась щучья хватка, Шура потерялась и как-то сникла. Все, что смогла решить:

– С кафедры не уйду, не надейся.

– Значит, уйду я.

И ушел. Перевелся не просто в другой институт, в другой город. Уехал руководить питерским институтом и пропал. Шуре ни письма, ни открытки, ни денежного пособия. Нет на свете ни ее, ни ребенка.

– Найти гада и устроить ему, чтобы знал, – кипятилась Аленка.

– Пусть анализ ДНК делает, – говорила Даша. – Тебе, Шуренок, на телевидение надо идти. Там таких историй...

– Шур, – мама предлагала робко, в ней не было ничего ни от хищных рыб, ни от зверей, – а может, и правда сходишь? Ну почему ты одна-то должна ребенка воспитывать?

Шура отмалчивалась. Знала почему. Трудностей, конечно, – вагон и маленькая тележка. Декретные – слезы, пособие и того меньше. У сестер денег как не было, так и нет. Одна живет овощами с огорода, у другой – зарплата актрисы провинциального театра. Да и у матери снова черная полоса началась. Годы брали свое, второй муж начал хворать, работу оставил, а накопления тратились на врачей и лекарства. Не до Шуры с ее малышом. Мама, правда, старалась помочь. Приезжала, стирала пеленки, иногда привозила пачку памперсов и на Шурины возражения только махала руками:

– Бери!

И она брала. Берегла как зеницу ока. Сушила на батарее – и опять в дело. Шутка ли, такую чудесную вещь просто так в помойку выкидывать. В общем, выкручивалась как могла. Ни на что не жаловалась. Понимала – платит по счетам. Если бы знала обо всем, что случилось с теми, кого зацепили ее острые зубки, еще и удивилась бы, почему выставлен такой маленький счет.

Материальное положение выправилось через несколько лет. Отчим умер. Мама снова переехала к Шуре. Вторую квартиру сдавали – на жизнь хватало. Потом и с работой подфартило. Освободилось место в Институте молекулярной биологии на кафедре нервных болезней. Искали биолога для проведения каких-то научных опытов. Новый завкафедрой расщедрился, порекомендовал Шуру – пожалел: одна с ребенком, пусть хоть подзаработать сможет. На новом месте и платили получше, и командировки случались, и материала для статей было больше. В общем, возможности для заработка открывались хорошие. Теперь холодильник всегда был полон и на одежду для сына Валерки хватало. А о большем Шура не мечтала. Хватит. Намечталась уже.

Личная жизнь по-прежнему не складывалась. И не только Шурина. Аленка в Ярославле сидела на репликах «Кушать подано» уже который год. Ни семьи, ни детей. Шура просила вернуться, уговаривала по-всякому и даже грозила. Без эффекта. Аленка предпочитала одиночество, которое коротала с бутылкой. В театре держали из жалости, помнили, что была молодая, красивая и даже подавала надежды. Шура как-то приехала в Ярославль на конференцию. Потом радовалась, что бог отвел сюда маму с Валерочкой везти. А она так рвалась Аленку увидеть.

– Она нам город покажет, пока ты заседаешь. По набережной погуляем, по Кремлю. И остановиться у нее можно, на гостинице сэкономим.

Лучше бы не было этой экономии с горой грязной посуды, тараканами и пропитавшим всю комнату запахом перегара. Шура орала, взывала к совести, к остаткам сознания. Ведь молодая еще, только бы за ум взялась. Но как-то быстро сникла. Почему-то поняла – без толку все. Нет у сестры тяги к другой жизни. Ей забыться надо и не думать ни о чем, а главное, о «кушать подано». Отступилась, конечно, не сразу. Не единожды выдумывала мнимые командировки в Ярославль и ездила то выводить из запоя, то в больницу укладывать, то мозги вправлять. Так, без всякой надежды, просто для очистки совести. В последний раз уже пришлось взять с собой мать. Ездили хоронить. Матери сказала: «Несчастный случай», чтобы без всяких угрызений совести. На ее долю и без того хватит слез и переживаний.

С Дашкой, слава богу, страшного ничего не случилось. Жила она по-прежнему с мужем душа в душу, рожала детей, занималась хозяйством. Только хозяйство теперь было совсем далеко – под Архангельском. Обнаружились у Дашкиного гения там какие-то деревенские родственники, что отдавали бесплатно огромный дом, а в придачу еще и участок раза в три больше нижегородского. Махнулись не глядя и остались довольны. Дашка присылала из своего захолустья счастливые письма и теплые, собственноручно связанные носки. Письма раза три в год, носки – два: на Новый год и день рождения. А куда чаще, да и зачем? Дети растут, жизнь идет. Детей уже семеро, некогда с ними сочинения строчить. А телефона и Интернета там нет, так что довольствуйтесь, дорогие мама и сестра, тем, что имеете. Если хотите, конечно, приезжайте в гости. Но я не такая дура, чтобы не понимать: желанием таким не горите.

– Нет, уж лучше вы к нам, – говорила Шура, пряча очередное письмо в ящик комода.

Мать только вздыхала. Куда ей в Архангельск? Она и до Ярославля не добралась. Да и потом, на кого Валерочку оставить? Это Дашка при муже да при хозяйстве. А Шуренок при работе. Ну а Валерка, выходит, при бабке. В сад пробовали отдать. Плачет, бедняжка. Два дня поплачет, потом на две недели дома с бронхитом садится. Куда это годится, ребенку здоровье портить? А скоро ведь и в школу пойдет. Там уж глаз да глаз нужен. Уроки проверять, объяснять неусвоенное. Да и в секции надо ребенка водить, развивать по-всякому. Он же в Москве, слава богу, живет, не в глухой деревне. А кому его развитием заниматься, как не бабке? Ну, поедет она в Архангельск, а как же Валерочка? Вот подрастет еще чуток, выправится, хворать перестанет, учебу отладит – и уж тогда.

Ожидания женщин Валера оправдывал. Мальчишкой был действительно слабеньким, но сообразительным. Учиться сразу начал хорошо. Характер у него был покладистый, ровный. Доброго, приветливого и прилежного мальчика учителя хвалили. Так что бабушке и маме если и приходилось о чем волноваться, так только о его здоровье. Но и тут положение наладилось. После того как в расписание недели включили бассейн и теннис, ребенок окреп и подрос, болеть стал значительно меньше и хлопоты теперь доставлял исключительно радостные.

Жизнь снова поворачивалась к Шуре лицом. Неожиданно образовался кавалер, и с серьезными намерениями. Сама не заметила, как очутилась в ЗАГСе. Потом радовалась, надеялась, что расплатилась по счетам, и дальше – спокойная, счастливая жизнь. Пусть без Нобелевской премии, зато в тихой гавани. Тихой семейной бухты не случилось. Ее постоянно трясло и штормило от загулов мужа. Шура только удивлялась, зачем этот, мягко говоря, любитель женского пола на ней женился. Как-то удивилась вслух. Тут же получила логичный ответ:

– Должен же кто-то готовить и стирать. – Причина весомая, не придерешься.

Готовить и стирать перестала – получила заявление о разводе и просьбу освободить жилплощадь как можно быстрее, так как он, сердечный, «наконец, встретил ту единственную, готовую занять Шурино место». Шура сначала радовалась, что, выйдя замуж, оставила Валерку с бабушкой. Не хотели ребенку сложностей: школу менять, секции, друзей. Да и бабушке ездить на другой конец города каждый день тяжело. Вот подрастет чуть-чуть, сможет сам везде добираться и тогда переедет. Хорошо, что не случилось. Это первая мысль. А на второй рас-

строилась. Надо было мальчишку взять и хитростью заставить супруга усыновить его, тогда бы уехали с куском квартиры, а так что? Ну, сходила замуж – только нервы потратила, а не приобрела ничего. И куда подевалась щучья хватка? Думала, с ней жизнь не заладилась, а без нее не слаще. Тут еще и мама заболела. Да так, что врачи советовали прощаться. Шура плакала по ночам тихо-тихо, чтобы не напугать, не расстроить, не лишить надежды. А у самой ее почти не осталось. На что надеяться, если медицина ясно показывает: конец? Шура же ученая, биолог, она эти раковые клетки знает как облупленные. Знает. Но сделать ничего не может. Они себя показывают, а уничтожить не дают. Ученые в лабораториях годами, десятилетиями делают маленькие шажочки. Успешные, но шажочки, а рак бежит сломя голову и никого не ждет. И Шуру не ждет с ее малюсенькими открытиями в узенькой области правой верхней доли головного мозга. Шура все глаза выплакала. Рук, конечно, не опускала. Лечила. Лекарства дорогушие, денег назанимала. Потом писала статьи по ночам. Все лучше, чем рыдать в подушку. Кое-что даже удалось наскрести на возврат долгов.

И вот этот Володя и всплеск надежды. И яркое, чудесное воспоминание. Она – не замученный жизнью шуренок, она – щучка, которая берет у жизни все, что захочет. А разве Шура много хочет теперь? Вовсе нет. Здоровья близким да женского счастья для себя. И почему бы за это не побороться? Стрела пущена, в цель попала. Визитка с телефоном в его кармане. Остается ждать звонка.

Дина

Дина смотрела в окно. Хорошие теперь площадки делают. Не то что в ее детстве: ржавая горка и скрипучие качели. Им, тогдашним малышам, правда, хватало. Веселились ничуть не хуже нынешней ребятни. Но все равно здорово, что сейчас и горки разные (и закрытые, и с поворотами, и высокие, и для самых маленьких), и качели не такие опасные и тяжелые. И песок в песочницах есть, и скамейки для мамочек стоят. А на этой площадке еще и веревочные лабиринты сделали. Дети там копошатся, как насекомые в паутине. Ботинки застревают, пальцы краснеют, а визгу сколько, а хохоту. И слетаются на эту площадку весь микрорайон. Народу! И гудит площадка, и жужжит, и мелькает. Только и слышно:

- Костя, стой!
- Лиза, надень шапку!
- Не толкайся, Витек!
- Держи Серого.
- Дурак!
- Сама дура!

Но это если открыть окно. А его Дина открывает только в перерывах или в мае, когда уж совсем немоготу сидеть в духоте малюсенького кабинета: три стула, пианино и небольшой шкафчик, заваленный нотами. Сейчас перерыва нет. И на дворе осень. В кабинете, хоть и маленьком, холодно, Дина даже вынесла один стул в коридор, а на его место поставила радиатор, который приволокла из дома. Именно приволокла. Так-то ничего, он на колесиках, но в троллейбус поднять нужно было и спустить потом, а тут на четвертый этаж без лифта пришлось тащить. Потом спина болела три дня, бабушка даже предлагала витамин Б проколоть.

– Был бы мужчина, не пришлось бы на своем горбу тяжести таскать, – вздыхала мама.

– Лучше водились бы деньги. На такси бы довезла радиатор и за подъем заплатила, – пробовала отшутиться Дина.

Но бабуля отвечала серьезно:

– Лучше было бы и то и другое. – Ну разве с этим поспоришь? Нет, и не надо.

Ни того ни другого не было. Одно только призвание служить музыке и детям. А педагогам музыкальных школ платят гроши. Голый энтузиазм без какого-либо материального интереса.

А мужчины... Были у Дины мужчины. Еще какие! Моцарт, Шопен, Бах. Вот это мужчины! Глыба, мощь, сила, талант. Куда остальным с ними тягаться. Да, в музыкальной школе работало двое мужчин. Один – старенький директор. Интеллигентный человек, образованный, милейший. Думал больше о том, где достать краску для стен и новые стулья в малюсенький концертный зал. В общем, не гений. Гениям не положено о материальном заботиться, они о духовном думать должны. Второй был молодой и искусственный. Все время улыбался. Ну как такое возможно? Либо ты постоянно счастливый идиот, либо дутая фальшивка. На идиота он не тянул. Во всяком случае, ученики и родители ничего такого не замечали, были педагогом довольны. Оставалось второе: неискренность и пыль в глаза.

– Диночка, вы сегодня замечательно выглядите. – Ну да, в юбке, которую постоянно носит, в линялой блузочке, с ученическим хвостиком на макушке.

– Какой чудесный запах! Новые духи? – Ага. Съеденная в перерыве карамелька.

– Ой, если бы я был свободен, ни за что от вас бы не отступился. – Так и поверила. Зачем ему Дина? Живет на женины средства, не иначе. Откуда в противном случае дубленка, костюмы, туфли итальянские? И курить постоянно бегают, а сигареты тоже денег стоят. Не нужна ему Дина, сто лет не нужна. А комплименты так, тренировка, чтобы не потерять форму. А ну как придется искать другой способ выживания, точнее, средство. Куда лучше бежать по проторенной дорожке, чем протапывать новую. Только побежит он, конечно, не к Дине, а к богатому кошельку. В общем, никакой гениальности – сплошная мелочность.

Ясно, что на работе ловить нечего. Другое дело – в консерватории или зале Чайковского. Там Дина часто бывала. Лучше на масле экономит, но купит абонемент. Только смотрела не по сторонам, а на сцену. Заслушивалась гениальными творениями своих любимцев и наслаждалась игрой музыкантов. С такими виртуозами, наверное, что-то могло получиться. Вот с тем симпатичным шатеном. Первая скрипка. Глаза мечтательные, руки красивые, осанка идеальная. Голос, наверное, под стать тем звукам, что издает его инструмент, – божественный. Или, например, с ударником. Какая мощь в человеке. А темперамент, а скорость, а точность и яркость. Вот где талант, вот где естественность. Или с дирижером, умеющим управлять всем оркестром, чувствовать каждую струну кончиком тоненькой палочки. Гениально!

Гениально, но очень далеко. Это только воображение Дины умеет рисовать такие картины, а натура ее их воплощать в реальность не умеет. Ее финансов хватает лишь на галерку. Это она может заметить своих кумиров, а они ее нет. Без шансов. Потому что она не из тех, кто делает первый шаг. Она не караулит у служебного входа и не просит автографа, и уж тем более не вкладывает в кулак бумажку с номером телефона. Все это кажется ей низким и пошлым. А музыка с пошлостью несовместима.

Конечно, пошлятины сейчас везде хватает. Только и слышны по радио всякие «уси-пуси» и «хочу от тебя». Разве это музыка? Обычный ширпотреб. А Дина натура утонченная. Ее интересуют изыски. Но как-то вяло, тайно, сторонне от чужого взгляда. Дина смотрит в себя, а не вокруг. Да и какой смысл озираться по сторонам? На концертах симфонической музыки либо женские пары, либо супружеские. Одинокие музыкальные гении не встречаются. Или не встречаются Дине. Наверное, она просто не очень хочет их встретить. Ей достаточно своего мира. В нем Дине хорошо, в нем она счастлива с первой скрипкой, или с ударником, а может, даже с дирижером.

И в стенах своего кабинета она тоже счастлива. Там она хозяйка. Там никакой скромности и сдержанности. Там эмоции, чувства, характер и знания. Там Дина не наивный мечтатель, а строгий педагог. Она – сплошная внимательность. Как ученик сидит, как держит пальцы, как извлекает звук. А выдержаны ли паузы, а един ли темп, а соблюдены ли лиги? И только в редчайших случаях она может позволить себе отвлечься и слушать отстраненно или не слушать вообще. Это бывает, когда ученик приближается к отметке «редчайший талант». Когда

Дина знает: он и сам заметит осечку. Она уже не нужна как педагог, только как благодарный слушатель.

А еще это случается, когда ученик ничего не стоит. Играет механически, без всяких эмоций. И темп хороший, и руки поставлены правильно, и ошибок практически нет, но нет и души. А в музыке нужно слышать, как работает сердце. Голова никого не волнует. Молчит ученическая душа, молчит и Динина. Отвлекается от чувств, уступает место раздумьям. Как теперь. Голова поворачивается к окну и думает не о прекрасном, а о житейском. О площадке вот, например. Будто больше подумать не о чем. У Дины все равно нет детей, которых можно было бы сюда привести.

В кабинет заглядывает подружка Оля – Ольга Яковлевна, руководитель академического хора.

– У тебя «Французской песенки» не завалилось?

– Поищи, – Дина кивает на шкаф, – но, по-моему, Чайковского уже давно разобрали.

– И, естественно, безвозвратно?

Дина только руками разводит. Естественно. Она очень рассеянна. Не помнит, кто, когда и что взял. Как уж тут уследить за возвратом?

– В шесть собрание, – напоминает Ольга Яковлевна и раздраженно хлопает дверью. Дина улыбается. Подруге идет эта напускная серьезность и статусность. Пришлось напустить после назначения замом директора. Теперь на ней все организационные школьные мероприятия. Есть любимые: концерты, конкурсы, выпускные вечера и другие праздники. А есть отвратительные, которые Оля терпеть не может, поэтому вызывает к Дининой помощи. Субботники или, как сегодня, родительские собрания. Там вечно одно и то же. Сплошное унижение и никакой отдачи. Будьте добры, хоть кто-нибудь, вступите в родительский комитет. Купите детям подарки, займитесь пошивом костюмов. А не согласитесь ли прийти на субботник? Забор надо покрасить, цветочки посадить. Для деток же ваших, для красоты, для уюта. И все это приходится говорить под зевки и скучающие взгляды. Сидят родители, скучают, смотрят на часы. Скорее бы все закончилось – и домой. И педагоги о том же думают. А нельзя не встречаться, нельзя не просить. Потому как на своем горбу все не вытянешь – сдохнешь. Ни сил нет, ни средств. А главное – желания. Разве это наши дети? Ваши! Разве это наша школа? Ваша!

А эти бесконечные опоздания и отлучки! Репетиция песни – скрип двери:

– Извините, мы в пробку попали. – Выезжайте пораньше, буржуи!

Диктант по сольфеджио. Аудитория – сплошное внимание. Как важна акустика, точность каждого звука, слышимость каждой ноты. Робкий стук:

– Простите, можно войти? – Ну, конечно, входи, Вася, Люся, Женя. Сейчас мы снова будем настраиваться на нужный лад и начинать сначала, потому что ты всех сбил (сбила) и теперь вместо пятерок в ведомости будут сплошные тройки, потому что поймать тонкость звука после твоего вторжения уже удастся немногим.

Или ты готовишься к важному концерту. Не просто так твой ученик вышел, попел для родителей, сорвал слезы умиления и благодарные аплодисменты. Конечно, что может быть важнее для воспитанников, чем признание родных? Но вот педагогу необходимо еще и профессиональное признание. У него от такого концерта и звание может зависеть, и карьера, и нагрузка, и материальное, между прочим, положение. И вот ты готовишься, бьешься над каждой нотой, выстраиваешь хор, и тут:

– Ой, вы не будете против, мы еще на несколько дней после каникул задержимся? Все-таки неделя для Таиланда – маловато. Учитывая перелет, только пять дней на отдых. Так что Леночка пропустит два занятия.

А Леночка у тебя солистка. На ней все выступление держится. А без Леночки солисткой придется ставить Катеньку. Она, конечно, тоже хорошо поет, но не прекрасно. И ты заранее понимаешь, что плакала твоя премия и хвалебные отзывы, и ценность в пухе узких, но таких

важных кругах. Но ничего не поделаешь. Леночка летит на далекий остров кушать экзотические фрукты, а ты остаешься со своими проблемами, никому не нужная и никем не защищенная. Тут и начинаешь думать, что не так уж суровы немецкие законы, согласно которым, уезжая из страны не в каникулы, родители обязаны предъявить на границе письменное согласие школы. А школа свое согласие выдаст исключительно по важным и безотлагательным причинам. И отпуск родителей такой причиной никак не является. Будьте добры планировать. А не можете – платите штраф. В этом случае горечь от замены солистки можно было бы подсластить финансово. А так – сплошные потери без всяких накоплений. Если что и копится, то исключительно раздражение. Особенно перед очередной встречей с родителями.

Нет, ну, конечно не все такие. Есть и обязательные, и ответственные, и понимающие. Их большинство. Но почему-то хорошее воспринимаешь как нечто естественное, а на плохое реагируешь очень остро.

Вот Ольга на родительские собрания в последнее время реагировала именно так. Заранее считала, что придется унижаться и уговаривать. Заранее настраивалась на плохое. А Дина была более мягкой, менее ранимой. Ответственности за ней не числилось, так что если не уговорит, то и не расстроится, и спроса с нее никакого. И вообще, поугovarивать с нее не убудет. Сколько себя помнила, только этим и занималась.

Маленькой все время уговаривала бабушку не ворчать. У той все и всегда было плохо, неправильно и не так, как должно. Мама плохо готовила, папа мало зарабатывал, Дина не умела завязывать шнурки, погода была ужасной, соседи противными, голуби надоедливymi, собаки брехливыми, жизнь отвратительной. Родители, кажется, привыкли к бабушке. Смирились. Папа, видимо, считал, что теща должна быть именно такой, и нечего на судьбу пенять. Ну, шепчет себе под нос всякие гадости, пускай. Не препираться же, право слово. Мама посмеивалась, говорила:

– Мамочка, как хорошо, что ты моя мама, а не свекровь. Я бы переживала.

– А можно и попереживать, коли руки из одного места растут, – хмурилась бабушка.

Мама только отмахивалась и снова смеялась:

– Что выросло, то выросло.

Как правило, список бабушкиных претензий к родителям мало видоизменялся, а вот к Дине, по мере ее взросления, постоянно предъявлялись новые требования:

– Не шаркай! Не чавкай!

– Не сутулься, лежишь на столе! Глаза окосеют, спина окривеет, да и буквы красивее не станут.

– Пальцы поднимай выше! Что ты их растопырила, будто тесто месишь?!

– Географию учи! Мне не интересно, что у тебя концерт. Советский человек обязан знать, где находится Шушенская ГЭС!

– В Шушенском, ба.

– Изволь показать на карте.

– Где-то тут. – Дина тыкала ручкой наобум куда-то на Север.

– В Мурманске, значит, вертихвостка?!

– Я не вертихвостка, ба, я вертиручка. – Ну какая тут география, когда завтра первый в жизни концерт в консерватории. И она – Дина – будет выступать на одной сцене с Крайневым, Петровым, Трифоновым. Конечно, ей до них как до луны. Дину и поставили-то на разбивку известных музыкантов только потому, что ее педагог тесно дружит с мамой одного из них. Ну и похлопотала за свою талантливую ученицу. Все щебетала:

– Это только начало, Диночка, ты уж не подкачай. Это шанс, второго может и не быть. Воспользуйся!

А тут бабулечка со своей географией и рассказами о долге советского человека, когда и человека-то такого уже нет. Все развалилось, осталось только искусство. Оно вечно, им и надо

заниматься. Но этого Дина бабушке не объясняла, просто уговаривала не переживать, потерпеть, не ворчать. Она не умела смеяться над бабушкиными придирками, как мама, или пропускать их мимо ушей, как папа. Дина реагировала. Но спокойно, без нервов, только и повторяла: «Бабулечка то, бабулечка се».

– Мягкотелая ты, Динка, – сетовал папа. – Тяжело тебе в жизни придется.

А кому, скажите, не тяжело, когда рушится семья? Дине было пятнадцать, когда папа устал пропускать мимо ушей замечания о величине своего кошелька и ушел к другой женщине. И снова Дина всех уговаривала: папу не уходить, маму простить, тетю Свету – милую двадцатилетнюю девушку, уже немножко беременную, – не разрушать семью. Уговорила, конечно, только маму. Та простила и отпустила. А что делать? Насильно мил не будешь. Отпустила, только смеяться перестала и не улыбалась даже, когда бабушка принималась ворчать:

– Вот в прежние времена его бы так на местком пропесочили, вмиг отучили бы штаны, где не надо, снимать.

– Мама! Зачем при ребенке?

– Да какой она ребенок?! Самой скоро замуж. Пусть знает, чего от жизни ждать.

Дине этого ждать не хотелось. Не хотелось пятнадцать лет улыбаться, а потом потухнуть. Уж лучше и не вспыхивать. Это Дина себя уговаривала. И ведь как уговорила. Так, что романы заводишь лишь тайные, поражающие исключительно ее воображение. А в реальности только музыка. Шопен, Моцарт, Рахманинов. И ученики, школа и родительские собрания вот.

А могло бы быть по-другому. Могла бы быть сцена, и успех, и даже слава, почему нет? Ведь из разряда подающих надежды Дина даже успела перейти в небольшую группу очень талантливых: тех, кому настоятельно рекомендуют не просто продолжать музыкальное образование, а связывать свою музыкальную жизнь с выступлениями, а не с педагогикой. Все могло бы сложиться, если бы не досадная случайность. Дина просто ехала на рынок. Могла бы пропустить троллейбус, ведь никуда не опаздывала. Но в голове почему-то пронеслось бабушкино презрительное:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.